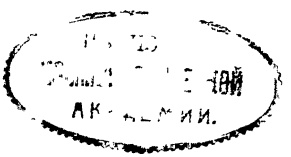
Метафизика и Философія.

Изъ чтеній Профессора Казанской Духовной Академіи,

В. А. Снегирева.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.



1179
27

Дозволено цензурою. Харьковъ. 31 Августа 1890 года.

Отдѣльные оттиски изъ журн. «Вѣра и Разумъ» за 1890 годъ.

МЕТАФИЗИКА и ФИЛОСОФІЯ.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПРОФЕССОРА Казанской Духовной Академіи,

Вен. Ал. Снегирева.

Метафизика представляетъ собою, или по крайней мѣрѣ должна представлять, по мнѣнію даже ея противниковъ,—высшій моментъ, вершину человѣческаго знанія, выше и далѣе которой оно уже не можетъ подняться. Она открываетъ уму человѣческому область, теряющуюся въ необъятности и недосягаемой глубинѣ безконечнаго и абсолютнаго, — область бытія лежащаго за предѣлами опыта и только отражающагося въ явленіяхъ, данныхъ въ опытѣ,—бытія, созерцаемаго умомъ, построяющимъ его на основаніи и при помощи этого отраженія. Это міръ основъ всего сущаго и являющагося въ опытѣ, міръ истинно сущаго, неизмѣннаго и вѣчнаго среди постоянно текущаго, измѣняющагося, возникающаго и исчезающаго міра феноменальнаго. Этотъ міръ основъ метафизика и имѣетъ своимъ предметомъ, и потому называется первою, т. е. высшею и основною философіею, въ отличіе отъ философіи или философій второго порядка, въ которыхъ изслѣдуются общія, эмпирически уже данныя основы и дѣятели - производители въ области обширныхъ группъ явленій міра и жизни человѣческой. Таковы, напримѣръ, философія природы [1]), философія духа, философія морали или нравственнаго порядка въ

---

[1]) Философія природы объясняетъ механизмъ физическаго міра изъ основныхъ силъ, въ немъ дѣйствующихъ. Авт.

мірѣ. философія исторіи. философія права. философія религіи и т. п. Первая философія. или метафизика. обнимая собою все сущее въ его основахъ, — основы всего сущаго. вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ дѣло съ основами самыхъ этихъ основъ частныхъ явленій.—основъ, изслѣдуемыхъ въ философіи второго порядка. Эти послѣднія могутъ быть разсматриваемы какъ пособія и ступени для нея къ дѣйствительно всеобщему и въ собственномъ смыслѣ основному: или же при дедуктивномъ. систематическомъ раскрытіи всего ея содержанія.—какъ дальнѣйшее ея развитіе и части. — тѣмъ болѣе, что и при самостоятельномъ основаніи каждой изъ нихъ неизбѣженъ метафизическій элементъ (понятія матеріи и силы и т. п.). При такомъ положеніи и содержаніи своемъ, метафизика является не только «первою философіею», но философіею въ собственномъ и строгомъ смыслѣ. философіею въ смыслѣ особенной. спеціальной отрасли знанія, особой науки. имѣющей свой предметъ, не изслѣдуемый никакою другою наукою, не затрогиваемый и всею совокупностью наукъ, построенныхъ въ одну общую систему, предметъ, при томъ, выходящій за предѣлы и сферу явленій, изслѣдуемыхъ этими науками. Въ противномъ случаѣ. т. е. если не считать философію особой наукой, самое слово «философія» превращается въ традиціонный терминъ для обозначенія особой формы опытнаго знанія явленій,—знанія синтетическаго, построяющаго явленія изъ ихъ факторовъ. открытыхъ путемъ непосредственнаго индуктивнаго изслѣдованія этихъ явленій. Если есть философія, какъ особая наука, стоящая выше и отчасти даже внѣ всѣхъ другихъ наукъ о явленіяхъ, т. е. всѣхъ другихъ наукъ, не исключая и математики, то она должна быть метафизикою. потому что одна метафизика изъ всѣхъ наукъ обладаетъ указанными свойствами и характеромъ. А если такъ. то метафизика—и есть философія. Что касается другихъ наукъ, обыкновенно причисляемыхъ къ философіи,—психологіи и логики,—то сами по себѣ эти науки чисто опытныя: онѣ имѣютъ свои спеціальные предметы, особыя группы данныхъ въ прямомъ опытѣ и наблюденіи явленій,—первая—явленія душевной жизни, вторая—фактъ достовѣрности и недостовѣрности знанія въ его различныхъ фор-

махъ. Философскаго въ нихъ ровно столько же. сколько въ любой изъ опытныхъ наукъ. Если же онѣ называются философскими и мыслятся доселѣ составными частями философіи. то это потому, что онѣ изъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ о явленіяхъ особенно близки къ философіи. даютъ для нея особенно много матеріала. необходимы для нея въ большей степени, чѣмъ всѣ другія науки. помогая ей подняться, путемъ анализа знанія человѣческаго, до основныхъ понятій или понятій объ основахъ, также разложить міръ феноменовъ на являющееся, преходящее и неизмѣнно, истинно сущее Такимъ образомъ, метафизика есть наука о послѣднихъ основахъ, началахъ всего сущаго и познаваемаго человѣкомъ, и есть одно съ философіею, когда понятіе философіи употребляется не въ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ, а въ смыслѣ понятія объ особой, спеціальной отрасли знанія. Всѣ другія философіи и философскія науки имѣютъ характеръ философскихъ только настолько, насколько онѣ соприкасаются съ философіею-метафизикою, прямо оказываютъ ей помощь или служатъ ея продолженіемъ и развитіемъ въ подробностяхъ.

Представленныя опредѣленія и характеристика метафизики и ея положенія въ сферѣ человѣческаго знанія изображаютъ ее въ чертахъ весьма привлекательныхъ для ума, жаждущаго знанія и стремящагося проникнуть въ самую глубину его. Но при этомъ невольно приходитъ на память то нелестное мнѣніе о метафизикѣ и философіи отождествляющей себя съ нею, какое господствуетъ въ образованномъ обществѣ, въ средѣ людей точной, эмпирической науки и даже у большинства мыслителей, посвятившихъ себя философіи Въ самомъ дѣлѣ. слово «метафизика» и производныя отъ него стали чуть не бранными. При этомъ словѣ обыкновенно представляется - у большинства—разсужденіе или совокупность разсужденій облеченныхъ непремѣнно въ мудреную форму. - съ абстракціями, трансценденціями. абсолютами и другими премудростями въ каждой фразѣ,—разсужденій. никому непонятныхъ. даже самому разсуждающему: разсужденій, никого въ здравомъ умѣ не интересующихъ и немогущихъ интересовать,—о какихъ-то бытіяхъ и вещахъ въ себѣ, о какихъ-то категоріяхъ сущаго.

о субстанціяхъ и акциденціяхъ; разсужденій. ничего необъясняющихъ и ни къ чему не пригодныхъ въ жизни.—пустыхъ и безплодныхъ Фигура метафизика рисуется въ комическомъ видѣ. Это человѣкъ. погруженный въ созерцаніе чего-то возвышеннаго и непостижимаго и непонимающій самыхъ простыхъ вещей изъ жизни его окружающей; человѣкъ, превращающій самые простые факты въ нѣчто мудреное .. Самую суть этого ходячаго мнѣнія о метафизикѣ и метафизикахъ выразилъ Мефистофель у Гете. назвавши метафизику «животнымъ, которое пасется на пескѣ, не подозрѣвая, что рядомъ, вокругъ него. цвѣтутъ роскошные луга». Люди науки эмпирической относятся къ метафизикѣ еще строже: они ее презираютъ и ненавидятъ, считая препятствіемъ и тормозомъ для развитія дѣйствительнаго знанія, которое получается путемъ изученія фактовъ. На ихъ взглядъ она занимается неразрѣшимыми вопросами и предметами. существующими только въ испорченномъ неестественными навыками мысли и схоластикою воображеніи философовъ по профессіи и есть собственно наука о томъ, чего знать нельзя и чего знать не нужно вовсе. Метафизическія изслѣдованія—пустая трата времени и труда и развращеніе мысли. отвлекаемой отъ дѣйствительности въ область фикцій. Наконецъ, большинство новѣйшихъ философовъ считаютъ метафизику и проникнутую ею философію отжившею формою философствованія. созданною главнымъ образомъ въ самыя темныя времена схоластики Въ свое время она, по ихъ взгляду, имѣла, конечно, значеніе и смыслъ. но теперь лишилась его и доживаетъ послѣдніе дни своего существованія. встрѣчая поддержку у людей отставшихъ отъ науки, или фанатиковъ. старовѣровъ въ сферѣ знанія, упорно держащихся того, что существовало вѣка и развивалось несомнѣнно великими умами... Воистину убогія. безсодержательныя, какія-то стереотипныя и чуждыя даже по формѣ всѣмъ навыкамъ современной мысли. произведенія съ названіемъ «метафизики», повидимому. блистательно оправдываютъ и подтверждаютъ такое воззрѣніе... Какъ не задаться, въ виду этого вопросомъ: имѣетъ ли метафизика и метафизическая философія какое-нибудь, дѣйствительно, цѣнное и реальное содержаніе; другими словами есть ли

въ дѣйствительности, а не на словахъ только, и можетъ ли быть такая наука,—наука объ основахъ сущаго?

На эти вопросы мы отвѣтимъ не отвлеченными разсужденіями, а обзоромъ главныхъ моментовъ историческаго бытія и развитія метафизики философіи и описаніемъ ея современнаго состоянія и содержанія. При этомъ объяснится самъ собою и источникъ господствующаго низкаго взгляда на метафизику и подробнѣе уяснится понятіе, значеніе и положеніе ея въ системѣ знанія.

I

Слово философія означало у Грековъ всю совокупность знанія и образовано изъ φιλοσοφος - любитель знанія, стремящійся къ знанію и проистекающему изъ него высшему пониманію жизни—къ такъ называемой мудрости. Утвердилось оно преимущественно въ періодъ софистики, когда явились люди, извлекавшіе изъ знанія выгоды, пріобрѣтавшіе знаніе отъ другихъ за плату и сами бравшіе деньги за его сообщеніе и преподаваніе. Люди эти называли себя σοφιστα—ученые, т. е. именемъ, которое носили до нихъ всѣ многознающіе люди. Въ противоположность имъ, люди, занимавшіеся учеными изслѣдованіями безкорыстно, изъ интереса и чистой любви къ знанію, стали называть себя философами, а свои изслѣдованія—философіею. Къ общему понятію философіи, какъ совокупности всѣхъ знаній, прибавился, такимъ образомъ, постепенно оттѣнокъ, которымъ это знаніе характеризовалось какъ безкорыстное знаніе, или знаніе, пріобрѣтаемое ради него,—знаніе для знанія. При этомъ вовсе не исключалось прямое практическое значеніе его для жизни. Напротивъ,—мысль Сократа, что только то знаніе и имѣетъ цѣну, изъ котораго можно прямо извлекать пользу, при помощи котораго можно улучшать и совершенствовать жизнь человѣческую и увеличивать сумму счастья,—эта мысль сохраняла свою силу во весь классическій періодъ философіи и вообще науки Въ области знанія философіи противополагается совокупность знаній практическихъ, прямо и непосредственно прилагаемыхъ къ жизни математика, діалектика, реторика, музыка. Изъ знанія безкорыстнаго философія превратилась въ знаніе, не имѣющее прямо-

го практическаго приложенія. не преслѣдующее пользу. а имѣющее въ виду нѣкоторые высшіе, чуждые обыденной жизни, интересы. Отсюда былъ одинъ и естественный вполнѣ шагъ до понятія о философіи, какъ совокупности высшихъ знаній или знаній о самыхъ возвышенныхъ предметахъ въ мірѣ. Какъ превознесенная надъ всѣми другими знаніями. философія стала среди нихъ—владычицею —κυρία и вошла въ тѣсное отношеніе съ религіозною мистикою и таинственными преданіями древнихъ религій. А потомъ прямо стала на мѣсто религіи. особенно въ борьбѣ съ христіанствомъ Совершилось. такимъ образомъ. полное паденіе философіи и возвратъ ея къ первобытному единству съ религіей и вѣрой

Такой взглядъ на философію установился особенно подъ вліяніемъ неоплатонизма. неопиѳагорензма и того движенія которое получило впослѣдствіи —въ періодъ уже христіанства — названіе гностицизма и состояло въ смѣшеніи восточныхъ умозрѣній—египетскихъ. парсійскихъ, индійскихъ и іудейскихъ съ греческими понятіями. Аристотелевское раздѣленіе философіи на первую и вторую,—эта первая попытка отдѣлить науку о началахъ отъ знаній міра явленій опытныхъ.—лишилось смысла Знаніе. основанное на опытѣ исчезло или было поглощено высшимъ созерцаніемъ, стало лишнимъ и едва упоминалось, какъ низшая форма знанія. какъ кажущееся не дѣйствительное знаніе, недостойное философа. Случайно явившееся надписаніе надъ трактатомъ Аристотеля о первой философіи «μετὰ τὰ φυσικὰ —послѣ физики» — получило особое толкованіе, объяснено было именно, что оно значитъ ученіе о томъ — ἄπερ φύσεως ὑπερῆρτος--или ученіе о сверхъестественномъ, выше естества или природы сущемъ. Идея первой философіи была искажена. Вмѣсто совокупности обобщеній относительно основъ бытія, являющихся послѣ изслѣдованія природы, какъ выводъ изъ него. она превратилась въ существующую и являющуюся прежде всякаго знанія природы и ея явленій, какъ знаніе того, что внѣ и выше ея. Правда, подъ именемъ метафизики—первая философія стала мыслиться какъ единственная философія, какъ наука противоположная обыкновенному опытному знанію и во всякомъ случаѣ отъ него отличная. Она

окончательно выдѣлилась изъ эмпирическаго знанія и съ внѣшней стороны стала тѣмъ, чѣмъ и должна она быть. Но самое содержаніе философіи, при этомъ. лишилось всякаго научнаго характера оно стало собраніемъ произвольныхъ умозрѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ знаніемъ,--фантастическихъ построеній Метафизика отождествилась съ этою формою философіи, слилась съ нею надолго и въ этомъ видѣ получена пробудившеюся мыслію новаго времени. Отсюда всѣ ея заключенія, продолжающіяся до настоящаго времени, какъ мы видѣли. Сдѣлавши своимъ предметомъ—не только сверхчувственное и недоступное прямому опыту, а прямо сверхъестественное—философія-метафизика порвала всякую связь съ наукою и самымъ даже мышленіемъ Она, т о., вынуждена была искать новыхъ особенныхъ источниковъ и способовъ познанія своего предмета и изобрѣтала такіе источники и методы. самое существованіе которыхъ ей приходилось доказывать—такъ они были фантастичны и произвольны. На первый разъ придумано было непосредственное обращеніе ума человѣческаго къ сверхчувственному и сверхъестественному бытію,—признано было существованіе непосредственнаго умственнаго воспріятія внѣшняго міра. особаго рода видѣніе духовное. духовное зрѣніе—θεώσις, contemplatio, speculatio,—высшая сторона ума превратилась въ око. направленное къ сверхчувственному и сверхъестественному Такъ, между прочимъ, образовались существующіе доселѣ термины—умозрѣніе, умозрительное знаніе, умозрительный методъ, спекулятивное мышленіе и т. п., хотя смыслъ ихъ и измѣнился нѣсколько впослѣдствіи, а теперь они получаютъ и вовсе другое, новое значеніе, не имѣющее уже ничего общаго съ фантастическимъ окомъ и зрѣніемъ ума. Окончательному превращенію философіи-метафизики въ ученіе о сверхъестественномъ особенно много способствовало христіанство Подъ его прямымъ вліяніемъ сформировалось, опредѣлилось и приведено въ порядокъ ея содержаніе, полученное новою возродившеюся наукою, какъ главное наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ. Христіанство, какъ не подлежащій сомнѣнію фактъ,—открытый Самимъ Богомъ– бытіе сверхъестественнаго и сверхчувственнаго, опредѣлило его формы и отно-

шеніе къ міру вещественному. То, что было до него гаданіемъ и требовало особыхъ усилій, особыхъ приспособленій въ умѣ, — стало истиною готовою и прямо открытою. Уму человѣческому оставалось только усвоить ее и привести въ порядокъ. Но въ виду таинственности откровенія, непонятности многихъ истинъ, имъ сообщаемыхъ, потребовались особыя усилія для приведенія въ порядокъ и разъясненія ихъ. Для этого христіанскіе мыслители усвоили выработанныя формы и пріемы изслѣдованія сверхчувственнаго у греческой философіи въ послѣднемъ фазисѣ ея развитія, особенно близкомъ и родственномъ по основнымъ тенденціямъ съ христіанствомъ. Философія-метафизика, т. о., соединилась съ христіанскими истинами, была усвоена христіанскою философіею-богословіемъ какъ способъ систематизаціи и разъясненія христіанскихъ догматовъ. Она сохранила до извѣстной степени свою самостоятельность, только лишилась своихъ царственныхъ аттрибутовъ и оказалась въ положеніи какъ-бы плѣнной рабыни, изъ χωρία и domina стала ancilla и именно ancilla theologiae. Ея методъ—умозрѣніе, созерцаніе, ея умѣнье анализировать понятія и строить аргументы, облекать все это въ стройную систему—утилизованы были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и оказали большую услугу христіанскому вѣроученію. Все это было сдѣлано еще въ такъ называемый патристическій періодъ христіанства на востокѣ—у Грековъ. но вновь переработано затѣмъ на латинскомъ Западѣ въ теченіе, такъ называемыхъ. среднихъ вѣковъ,— особенно съ XI до XVI вѣка включительно Здѣсь философія-метафизика, оставаясь существенно слугою теологіи и заимствуя отъ нея главное свое содержаніе. получала постепенно болѣе самостоятельности, потому что чрезъ Арабовъ стала подъ вліяніе философскихъ произведеній Аристотеля и между прочимъ его «первой философіи» подъ именемъ метафизики, также трактата о категоріяхъ, который скорѣе относится по своему содержанію къ первой философіи, чѣмъ къ Логикѣ. Находясь подъ вліяніемъ преимущественно неоплатонизма, потомъ прямо философіи Платона, греческіе мыслители христіанскіе — отцы, вовсе не употребляютъ слова «метафизика» и, повидимому, не знаютъ ее. На Западѣ, напротивъ, терминъ этотъ

былъ очень распространеннымъ и любимымъ, но употреблялся больше въ формѣ прилагательнаго—метафизическій, какъ качество философіи и ея главнаго и прямого предмета—philosophia methaphysica.

До XIII вѣка схоластическая философія совершенно сливалась съ теологіею, давая ей только форму и разсужденія о догматахъ вѣры отъ разума, т. е. то, что существуетъ и теперь въ догматикѣ въ видѣ примиренія догматовъ вѣры съ требованіями разума и науки,—доказательствъ догматовъ не одними текстами Св. Писанія. Они были осуществленіемъ словъ знаменитаго Скота Эригены: «нѣтъ двухъ наукъ—одной, посвященной философіи, другой—религіи истинная философія есть истинная религія и истинная религія есть истинная философія» («Исторія Философіи» Льюса. Т II, с. 2). Теперь, въ XIII вѣкѣ, который характеризуется знакомствомъ ученыхъ со всѣми произведеніями Аристотеля, философія, оставаясь въ сущности тождественною съ теологіею, отдѣляется отъ нея въ особую область, представляя собою объединеніе въ одной системѣ будто-бы всего, что разумъ можетъ открыть безъ помощи откровенія вполнѣ съ нимъ согласнаго. Обособленіе философіи особенно рельефно выразилось въ томъ, что въ 1270 г. въ Парижскомъ университетѣ открывается каѳедра философіи рядомъ и одновременно съ богословіемъ. Схемою этой философіи, какъ самостоятельной области знанія, по внѣшности, независимой отъ религіи служитъ философія Аристотеля, особенно первая философія-метафизика, такъ какъ эта философія признана не противорѣчащею откровенію и въ основномъ съ нимъ согласною и санкціонирована авторитетомъ папской власти. Относительная внѣшняя независимость философіи выражается теперь въ самыхъ названіяхъ философскихъ трактатовъ. Если прежде они носили названія въ родѣ: Monadologium sive exemplum meditandi de ratione fidei; Prologium sive fides quaerens intellectum; Cur Deus homo? (Ансельма); то теперь они именуются такъ, что прямо не видно ихъ отношенія къ догмату: Opuscula de materiae natura, de ente et essentia, de principiis naturae,—de principio individuationis, de universalibus (Ѳ. Аквината). Философія отождествляется сознательно съ ме-

тафизикою. но не представляется прямо наукою о сверхчувственномъ и только данномъ въ особаго рода созерцаніи непосредственномъ. а опредѣляется въ духѣ Аристотеля, какъ наука, имѣющая своимъ предметомъ бытіе. какъ такое—ens quantum ens. Правда она за тѣмъ черезъ entia. essentiae, substantiae, potentiae и actus, приходитъ къ тому же сверхчувственному выводится даже изъ своего ens quantum ens. черезъ отношеніе между формою и матеріею, бытіе Церкви, какъ царство благодати—съ ея іерархіею и таинствами, ея отношеніемъ къ государству и даже отношеніемъ папы къ императору (изъ понятій матерія и формы См. Веберъ 173). Методъ изслѣдованія при этомъ состоитъ уже не въ созерцаніи, а въ опредѣленіи понятій существующихъ у человѣка, и въ дедуктивныхъ выводахъ изъ этихъ опредѣленій. При этомъ само-собою предполагалось. что понятія. коль скоро они существуютъ, открываютъ собою бытіе въ самой сущности, заключаютъ въ своей системѣ знаніе порядка и строя міра.—отражая вѣрно этотъ послѣдній Остается. значитъ, при помощи указаній логики извлечь это готовое знаніе и развить его въ подробностяхъ. Это было шагомъ впередъ сравнительно съ непосредственнымъ созерцаніемъ и анализомъ даннаго вѣрою содержанія; но далеко не достигало широты воззрѣнія на философскій методъ у Аристотеля. признававшаго самыя понятія продуктомъ опыта и наблюденія. Надобно впрочемъ замѣтить, что самъ Аристотель, служившій образцомъ и типомъ для схоластиковъ, какъ выраженіе всего. что можетъ сдѣлать умъ человѣческій, подавалъ поводъ къ такому толкованію источниковъ и пріемовъ изслѣдованія истины. Утверждая на словахъ необходимость обосновыванія всего на опытѣ и наблюденіи, знаніи фактовъ, самъ онъ, не только въ первой философіи, но даже въ физикѣ, зоологіи, слишкомъ много занимался анализомъ готовыхъ понятій, данныхъ въ языкѣ греческомъ, и клалъ этотъ анализъ и основанныя на немъ опредѣленія въ основу своихъ выводовъ и обобщеній. Схоластики только усвоили эту манеру разсуждать a priori своего учителя. и признали ее идеально совершенною и вполнѣ достаточною безъ всякаго опыта и наблюденія, тѣмъ болѣе, что у нихъ былъ го-

товый criterium истинности или ложности опредѣленій и выводовъ изъ нихъ въ откровенной истинѣ и въ ученіи католической церкви, критеріумъ получше и повыше всякаго опыта и наблюденія✓

Въ виду всего этого сущность схоластической философіи-метафизики въ нѣсколькихъ словахъ можно выразить такимъ образомъ· она была систематическимъ построеніемъ и подробнымъ развитіемъ той сравнительно ничтожной доли знанія о мірѣ, какая дана въ основныхъ понятіяхъ-словахъ, составляющихъ содержаніе всякаго развитаго языка. Характеръ и качество этого знанія опредѣляется самою природою понятій и словъ, ихъ выражающихъ. Это, можно сказать, — крайній minimum знанія человѣческаго, сводящійся къ самому поверхностному усвоенію путемъ опыта и наблюденія безсознательнаго — самыхъ общихъ свойствъ предметовъ и явленій, также ихъ отношеній на столько именно, на сколько это необходимо для самого образованія мыслительныхъ формъ—понятія, сужденія и умозаключенія, для ихъ простого существованія въ человѣческомъ умѣ. При этомъ знаніе въ нихъ заключающееся можетъ быть не только бѣднымъ и поверхностнымъ, но прямо невѣрнымъ, искажающимъ дѣйствительность, потому что полноты и вѣрности знанія вовсе не требуется для существованія мыслительныхъ формъ. По природѣ своей онѣ — общія схемы, способныя къ безконечному совершенствованію и развитію содержанія. Критеріумъ построенной такъ системы, состоящей, т. о., изъ однихъ почти словъ въ согласіи ея съ откровенною истиною, противъ вѣрности котораго по существу нельзя ничего сказать съ самой либеральной точки зрѣнія, - получился насильственно и искусственно Согласіе здѣсь было чисто фиктивное, потому что самая система была пустою схемою, формою безъ содержанія и допускала согласіе съ чѣмъ угодно, что только можно было втиснуть въ эту пустую форму. Въ данномъ случаѣ вкладывалось содержаніе вѣры откровенной и такимъ образомъ не сама система оказывалась согласною съ нимъ, а просто оказывалось согласнымъ это содержаніе съ самимъ-собою—и только. Изъ этой фикціи съ наивнымъ торжествомъ дѣлали выводъ, что разумъ оказался вполнѣ согла-

снымъ съ ученіемъ Откровенія и Церкви. Торжество это напоминаетъ собою удовольствіе дѣтей, когда они, заставляя сами двигаться свои куклы, производя ихъ движеніемъ поклоны, звуки и т. п., воображаютъ, что эти куклы — живыя и дѣлаютъ все это по собственному произволу. Въ добавокъ ко всему этому многія истины вѣры никакъ не могли быть уложены въ эту схему понятій, — они были слишкомъ новы и слишкомъ таинственны для превращенія въ понятія, были шире и выше формъ естественныхъ человѣческой мысли. А отсюда прямой выводъ, имѣющій всегда неотразимую силу и значеніе,— именно, выводъ, что содержаніе вѣры, въ главномъ состоящее изъ непостижимаго и выходящаго за предѣлы разума, за предѣлы естественнаго строя понятій,— никогда не можетъ служить даже критеріумомъ достовѣрности или недостовѣрности знаній имъ пріобрѣтаемыхъ; и, наоборотъ, разумъ и добываемое имъ знаніе никогда не можетъ быть критеріумомъ и судьею истинъ вѣры. Соглашеніе между ними возможно и мыслимо только на почвѣ ихъ полной взаимной независимости и самостоятельнаго развитія. Потому-то моментъ такого фиктивнаго сліянія философіи и вѣры, казавшагося полнымъ и окончательнымъ,— моментъ осуществленный въ знаменитой системѣ Ѳомы Аквината, моментъ величія и блеска схоластической философіи,— былъ въ то же время и началомъ ея паденія, хотя и не гибели окончательной, потому что она вскорѣ возродилась только въ новыхъ, болѣе совершенныхъ формахъ и уже свободною отъ авторитета Откровенія, хотя и не свободною отъ прямого и сильнаго его вліянія.

Прежде всего, внѣшнее раздѣленіе философіи и теологіи, при тожествѣ ихъ въ основѣ и содержаніи, нѣкоторая самостоятельность философіи снова выдвинули старый вопросъ объ отношеніи вѣры и разума, теологіи и философіи и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась невозможность согласія ихъ во многихъ пунктахъ и ихъ сліянія въ одно цѣлое послѣднее оказалось насильственнымъ и вполнѣ фиктивнымъ. Сознаніе этого со всею опредѣленностію выразилось у Оккама, утверждавшаго, что человѣкъ самъ-собою ничего не можетъ знать о Богѣ, о провидѣніи, о грѣхопаденіи, объ искупленіи, о воскресеніи и

судѣ и долженъ довольствоваться вѣрою въ эти догматы. Данныя религіозной вѣры, т. о., устранялись изъ области философіи; съ тѣмъ вмѣстѣ философія, хотя и признанная безсильною, получила полную самостоятельность Но положеніе ея при этомъ оказывалось весьма плачевнымъ исключая изъ себя ученіе вѣры, она, въ силу указанныхъ свойствъ своихъ,—оказывалась совершенно безъ содержанія,—пустою, отвлеченною схемою,—анализомъ ходячихъ понятій и опредѣленіемъ того, что въ нихъ есть общаго, необходимаго для ихъ существованія у всякаго человѣка. А другого источника, кромѣ содержанія готовыхъ понятій, она не знала и знать не хотѣла. Религіозная вѣра-теологія —была не въ лучшемъ положеніи, лишаясь опоры разума: она оставалась въ концѣ концовъ съ принципомъ credo, quia absurdum est. Началась упорная борьба за сохраненіе прежняго согласія между философіею и теологіею, такъ какъ въ этомъ было единственное средство для схоластической философіи—имѣть опредѣленное содержаніе, а для теологіи—сохранить форму научной системы и опираться не на одну слѣпую и опасную для нея потребность вѣры и общенія съ высшимъ міромъ Борьба эта идетъ въ теченіе всего XIV и XV вѣка, въ формѣ борьбы реализма и концептуализма съ номинализмомъ, развиваясь на почвѣ философскаго умозрѣнія, основаннаго опять-таки на анализѣ готовыхъ понятій. Но философія скоро получаетъ новый ударъ. Подъ вліяніемъ знакомства съ греческою литературою и съ другими философами древности, особенно съ Платономъ, поколебался и самый авторитетъ Аристотеля схоластическаго, и зданіе схоластической метафизики потрясено было въ одномъ изъ самыхъ крѣпкихъ его опоръ. Самыя рамки и схема, остававшіяся за вычетомъ богословскаго содержанія, признавались искусственными и ни къ чему непригодными, и все болѣе и болѣе выяснялось, что въ сущности вся система схоластической философіи-метафизики есть наборъ словъ и фразъ, не дающій никакого знанія. Уже въ XIV вѣкѣ возникаетъ и выражается, хотя еще робко, мысль, что можно легко дойти до достовѣрной науки, если обратиться къ изученію самой природы. Мысль эта является за тѣмъ и выражается все чаще и чаще, и къ

концу XVI вѣка дѣлается весьма распространенной, особенно подъ вліяніемъ открытій въ области естествознаній, главнымъ между которыми было открытіе Коперника. Мало по малу созрѣла мысль, что всю схоластическую философію нужно отбросить, какъ ни къ чему не годное измышленіе и начать построеніе знанія человѣческаго заново, что, какъ выразился Бэконъ—necesse est opus mentis ad integrum renovare. Одновременно почти за тѣмъ являются попытки въ этомъ родѣ въ Италіи у Джіордано Бруно, во Франціи у Декарта и въ Англіи у Бэкона Веруламскаго. Схоластическая метафизика-философія незамѣтно и сама собою сходитъ со сцены всемірной исторіи и остается въ формѣ тѣсной связи съ догматикою католической въ духовныхъ школахъ католическихъ, поддерживаемая искусственно папскимъ sint ut sunt aut non sint.

Начался періодъ такъ называемой, новой философіи и рядъ новыхъ приключеній съ метафизикою Нѣмцы, создавшіе несомнѣнно исторію философіи, хотя очень плохую и искусственную, надобно сознаться, придали чрезвычайное значеніе религіозной реформѣ—явленію протестантства, какъ главному фактору упадка схоластики и явленію новой философіи Въ дѣйствительности протестантство тутъ ровно ни при чемъ. Оно само было прямымъ продуктомъ причинъ, создавшихъ новую философію и самой этой философіи въ ея зародышѣ,—въ сознаніи умомъ пустоты схоластики, поддерживаемой папствомъ, и незаконности насилія этой власти въ дѣлахъ, касающихся познанія и убѣжденія въ истинности или ложности чего-бы то ни было Не реформація создала эту тенденцію и освобожденіе ума, а это освобожденіе было главнымъ производителемъ всей реформаціи Сами по себѣ дѣятели религіозной реформы оказались самыми отсталыми схоластами и возстановили схоластическую метафизику въ прискреннемъ ея общеніи съ догматами вѣры,—замѣнивъ только догматы католическіе протестантскими. Этимъ многое объясняется въ характерѣ нѣмецкой философіи. Воспользовавшись геніальными построеніями французовъ, англичанъ и евреевъ, положившихъ основу новымъ формамъ мыслительной дѣятельности, новой философіи, и насильно присвоивши ихъ себѣ, нѣмцы устроили изъ нея новую про-

тестантскую схоластику, самымъ крупнымъ выраженіемъ которой было знаменитое гегеліанство. Этимъ они принесли великое зло и создали помѣху развитію здравой философіи метафизики. Эта схоластика также щеголяетъ каббалистическою терминологіею, скрывающею ея пустоту, которая не менѣе пустоты ея католическаго прототипа.

II.

Новая философія начинается отрицаніемъ всякаго почти достоинства и значенія не только схоластической науки, но и всего почти того, что составляло содержаніе знанія древнихъ, остававшагося въ понятіи философіи Джіордано Бруно еще находится подъ вліяніемъ древнихъ и, отвергая Аристотеля, превозноситъ Пиѳагора и Платона, хотя его блистательная, но фантастическая система возникаетъ подъ прямымъ вліяніемъ ученія Коперника, Кеплера и Галилея и имѣетъ въ своей основѣ, чуждую классической древности, идею безконечности вселенной. Бэконъ и Декартъ уже прямо ставятъ въ одну категорію и схоластику средневѣковую и все знаніе древнихъ: находя то и другое одинаково несостоятельнымъ и неимѣющимъ цѣнности, они видятъ во всемъ этомъ рядъ произвольныхъ, лишенныхъ всякой прочной основы, построеній развитыхъ пріемомъ, который пригоденъ только для изложенія и разъясненія уже извѣстнаго и познаннаго и который безсиленъ въ открытіи неизвѣстнаго и доказательствѣ недоказаннаго. Потому они оба отвергаютъ прежнюю Логику, какъ нѣчто не только безполезное, но и вредное. Въ виду этого они ставятъ для себя сознательно задачу—отыскать и точно опредѣлить прочныя основы для всякаго знанія и выработать правильный общій пріемъ изслѣдованія во всѣхъ его сферахъ.—пріемъ, который-бы дѣлалъ возможнымъ не только утвержденіе и уясненіе знанія, но и его постепенное расширеніе и ростъ. Оба не имѣютъ цѣли построить законченную систему знанія, считая это невозможнымъ для одного человѣка, а хотятъ дать только примѣръ и образецъ того, какъ ее нужно строить и развивать. Оба объединяютъ все человѣческое знаніе въ понятіи философіи, т. е. называютъ философіею совокупность всѣхъ знаній человѣче-

скихъ. организованныхъ, переработанныхъ умомъ и приведенныхъ въ одно цѣлое, противополагая философію съ одной стороны откровенной истинѣ, съ другой — сырому матеріалу знанія или знанію. такъ называемому у нихъ, историческому Оба они. если и не дѣлятъ философію-науку прямо на первую и вторую, подобно Аристотелю. то прямо говорятъ о первой философіи или метафизикѣ. какъ о части всей системы знанія. части, слѣдовательно, всей философіи съ ихъ точки зрѣнія. Оба они даютъ метафизикѣ особенное выдающееся положеніе среди другихъ областей знанія, впрочемъ каждый по своему,—Бэконъ мыслитъ ее какъ вершину человѣческаго знанія, Декартъ представляетъ ее основою и опорою его. Наконецъ. оба эти великіе мыслители-реформаторы одинаково понимаютъ и конечную цѣль знанія:—цѣль эта для того и другого заключается въ пользѣ знанія и власти человѣка надъ силами природы, черезъ него достигаемой. Но. выходя изъ этихъ общихъ основаній. сознанныхъ и выраженныхъ ими съ величайшею ясностію и простотою, они расходятся или—точнѣе—идутъ къ намѣченной цѣли двумя различными путями.—одинаково новыми и еще до нихъ никѣмъ не проложенными или. иначе говоря, употребляютъ.—точнѣе—указываютъ такія орудія и средства знанія какихъ съ такою полнотою и съ такимъ отчетливымъ пониманіемъ и сознаніемъ не употреблялъ и не указывалъ никто до нихъ, хотя ими пользовались и пользуются безсознательно или съ смутнымъ и общимъ сознаніемъ не только различные мыслители. но и всѣ смертные, которымъ приходится что-нибудь познавать или доказывать выходящее за предѣлы обыденныхъ практическихъ истинъ Эти пути или средства, являющіяся также и основами и составными частями всякаго дѣйствительнаго знанія. суть: a) опытъ, т. е. сознательное пытаніе природы или дѣйствительности, постановка ей вопросовъ и терпѣливое ожиданіе отвѣтовъ на нихъ—въ фактахъ естественно данныхъ или произведенныхъ искусственно ad hoc, съ опредѣленною цѣлію, и b) умозрѣніе, т. е. дѣятельность ума съ его законами и формами и съ тѣмъ постояннымъ запасомъ самоочевидныхъ и необходимыхъ истинъ-фактовъ внутренняго умственнаго опыта,

безъ которыхъ невозможна никакая умственная дѣятельность, и самый даже опытъ въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ онъ представленъ въ предыдущемъ.

Бэконъ съ геніальною простотою и точностію опредѣлилъ и выяснилъ значеніе перваго фактора знанія, съ величайшею ясностію отличивъ его отъ опыта общаго, вульгарнаго, безсознательнаго и неметодичнаго, который самъ по себѣ не можетъ быть дѣйствительнымъ орудіемъ знанія и приводитъ только къ самымъ первоначальнымъ и поверхностнымъ обобщеніямъ, всегда почти ошибочнымъ, при томъ въ очень узкой сферѣ и въ ширину и въ глубину. Онъ даетъ всегда небольшое количество фактовъ и явленій близкихъ, необходимо открывающихся почти каждому, и скользитъ только по ихъ поверхности, не проникая никогда во внутренній составъ ихъ и незамѣчая многочисленныхъ скрытыхъ дѣятелей и силъ природы Онъ требуетъ, потому искусственнаго разширенія, накопленія, исканія случаевъ и ихъ разложенія. Все это и дается въ опытѣ—пытаніи природы, опытѣ какъ методѣ изслѣдованія, указанномъ Бэкономъ и объясненномъ въ своемъ строеніи, хотя не со всею еще полнотою и ясностію. Здѣсь Бэкономъ допущено много промаховъ, невѣрныхъ толкованій, исправленныхъ отчасти только въ очень недавнее время. Но въ общемъ его мысль остается неизмѣнною во всемъ величіи непреложной истины, составляющей одно изъ величайшихъ и вліятельнѣйшихъ открытій и пріобрѣтеній ума человѣческаго и научнаго творчества, хотя она стала теперь азбучною почти истиною, составляя душу—движущую силу всего новѣйшаго знанія, такъ отличнаго и по своему количеству и по качеству отъ знанія древнихъ и среднихъ вѣковъ.

Декартъ съ такою-же силою геніальной мысли опредѣляетъ и указываетъ другую основу, другую составную необходимую часть всякаго дѣйствительнаго знанія—фактъ очевидной переработки объектовъ знанія мышленіемъ по его законамъ, или умозрѣніе, отличая его отъ произвольныхъ и чисто творческихъ построеній мысли, основанныхъ на самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ предметами и свойствами, требованіями мысли,—отъ того, что Бэконъ назвалъ антиципаціею природы

и самого опыта Такія построенія, какъ и грубый вульгарный опытъ, присущія каждому человѣку, ведутъ къ призрачному знанію, совпадая съ дѣйствительностію случайно и большею частію извращая и искажая ее Завися отъ случайныхъ обстоятельствъ и чисто субъективныхъ стремленій. количества знанія и т. п. разныхъ мыслителей, они могутъ быть строены въ неограниченномъ количествѣ и неизбѣжно ведутъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ и разницамъ Для того, чтобы допустить это, нужно сдѣлать участіе мышленія въ построеніи и развитіи знанія методичнымъ и развивающимся изъ нѣкоторыхъ всеобщихъ самоочевидныхъ началъ или аксіомъ, получаемыхъ путемъ наблюденія самого процесса мышленія и его свойствъ Декартъ блистательно разрѣшилъ эту задачу по отношенію къ мышленію, какъ Бэконъ сдѣлалъ это по отношенію къ опыту. Сущность всякаго знанія состоитъ въ его истинности, согласіи идей ума съ дѣйствительностію. Согласіе это во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ знанія установляется полною и неотразимою его очевидностію для ума. Какъ установляется эта очевидность, создающая принужденіе мыслить о вещи такъ, а не иначе—это другой вопросъ Дѣло въ томъ что она должна быть, иначе знаніе будетъ только призракомъ знанія,—незнаніемъ въ сущности. Т. о., основная аксіома со стороны мысли по отношенію къ знанію есть.—дѣйствительное знаніе есть только то знаніе, истинность котораго очевидна и неотразима. Hac igitur defecta veritate simul etiam invenit scientiarum fundamentum; ac etiam omnium veritatum mensuram ac regulum; scilicet, quidquid tam clare et distincte percipitur quam istud verum est («Princ.» pag. 4) Декартъ не совсѣмъ удачно выразилъ эту вполнѣ вѣрную мысль, основной законъ всякаго знанія въ формѣ постулята—признавать истиннымъ только то, что съ несомнѣнностію и очевидностію познается какъ истинное. Неправильное толкованіе этого требованія аксіомы, особенно произвольное превращеніе его впослѣдствіи въ требованіе ясности идей, какъ критеріумъ истины,—подало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и искаженію великаго открытія Декарта. Но оно тѣмъ не менѣе стоитъ непоколебимо, какъ основной всеобщій законъ человѣ-

ческаго знанія. Требованіе, выраженное въ немъ, не есть требованіе ясности идей,—тогда оно было бы безплоднымъ.—оно есть требованіе доказательства полнаго и неотразимаго для всего признаваемаго за истину. Существованіе доказательствъ, ихъ собираніе, группировка самая тщательная всевозможными способами и пр. предполагается уже сама-собою. Гдѣ нѣтъ доказательствъ и очевидности. тамъ не можетъ быть и рѣчи объ истинномъ или не-истинномъ,—тамъ остается простое состояніе мысли, простой фактъ сознанія—идея или сочетаніе какое-нибудь идей съ недостаточными доказательствами Если понятая такимъ образомъ очевидность есть коренное и основное свойство и требованіе всякаго знанія, то способъ ея установленія, въ существенномъ долженъ сводиться къ тѣмъ простѣйшимъ формамъ, какія употребляются въ математикѣ. Это положеніе опять, строго говоря, не допускаетъ сомнѣнія и возраженія Математическая очевидность несомнѣнно есть типъ и идеалъ очевидности, дальше котораго идти нельзя, и математическое доказательство и доказываніе есть какъ бы обнаженная сущность этой операціи, обнаженный nervus probandi Несомнѣнно, потому. въ окончательной обработкѣ мышленія — всякая несомнѣнная и очевидная истина должна необходимо допускать доказательство похожее на математическое, съ нимъ аналогичное Такъ нужно понимать слова Декарта, часто толкуемыя неправильно и превратно, чѣмъ искажается и превращается даже въ нелѣпую его простая и очевидно вѣрная мысль,—именно слова· «Длинный рядъ доказательствъ въ высшей степени простыхъ и понятныхъ, при помощи которыхъ геометры приходятъ къ доказательству самыхъ трудныхъ положеній. внушилъ мнѣ мысль. что все, что входитъ въ область человѣческаго познанія, должно слѣдовать другъ за другомъ въ видѣ подобнаго же ряда и что если только въ этомъ рядѣ мы не будемъ ничего ложнаго принимать за истинное и всегда будемъ соблюдать надлежащій порядокъ. то нѣтъ ничего столь отдаленнаго, до чего нельзя было бы наконецъ достигнуть, и столь таинственнаго что не было бы открыто». Очевидно, здѣсь вовсе не выражается той мысли, что все знаніе должно быть построено по образцу математики и развиваться де-

дуктивно, независимо отъ опыта и изученія фактовъ. изъ одного начала или аксіомы Это значитъ только, что всякое дѣйствительное знаніе должно допускать приведеніе фактовъ къ нѣкоторымъ самоочевиднымъ истинамъ или аксіомамъ и построеніе себя изъ нихъ путемъ дедукціи, какъ это дѣлается въ математикѣ Отрицанія опыта—изслѣдованія предметовъ и явленій съ цѣлію установленія относительно ихъ очевидности — здѣсь нѣтъ и тѣни, тѣмъ болѣе, что Декартъ постоянно рекомендуетъ опытъ и наблюденіе, построеніе дорогихъ приборовъ для экспериментовъ и т. п. Если, т. о., всякое знаніе должно опираться на нѣкоторыхъ самоочевидныхъ истинахъ и аксіомахъ, то и все знаніе должно покоиться на такого-же рода очевидности—аксіомѣ или нѣсколькихъ аксіомахъ. которыя, потому, нужно прежде всего открыть и точно опредѣлить, развивши изъ нихъ ближайшія слѣдствія.—необходимъ и рядъ аксіомъ другого порядка, менѣе общихъ, лежащихъ, потому, въ основѣ отдѣльныхъ областей знанія. Для полученія такой основной аксіомы, дающей устойчивость и опору всему знанію, Декартъ употребляетъ, хорошо извѣстный всякому сколько-нибудь знакомому съ исторіею философіи и даже просто – исторіею просвѣщенія, пріемъ сомнѣнія во всемъ, что признается извѣстнымъ и несомнѣннымъ, и этимъ путемъ убѣждается, что, сомнѣваясь во всемъ, человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи самого сомнѣнія, т. е. сомнѣвающейся мысли. она несомнѣнно и очевидно существуетъ. Получается, т. о , дѣйствительно основная и всеобъемлющая очевидность-аксіома. на которой въ концѣ концовъ опирается всякая другая очевидность и достовѣрность и все знаніе какъ совокупность очевидностей, аксіома бытія мысли или—что тоже—мыслящаго агента, мыслящаго существа. Аксіома эта не совсѣмъ удачно выражена въ знаменитомъ—cogito ergo sum; но отъ этого она не перестаетъ быть вѣчною и не требующею доказательства истиною: дѣйствительно, никакими ухищреніями и изворотами нельзя опровергнуть того, что изъ всего. признаваемаго сущимъ, только бытіе мысли обладаетъ абсолютною, непосредственною самоочевидностію,—все остальное становится очевиднымъ и достовѣрнымъ

только черезъ эту очевидность, потому что все остальное открывается только въ мысли и мыслію. Потому, выраженная въ cogito ergo sum основная аксіома знанія съ яснымъ сознаніемъ и выраженіемъ ея значенія есть несомнѣнно великое пріобрѣтеніе ума, великое открытіе, доселѣ неоцѣненное еще во всемъ его объемѣ. (Это воистину архимедовское δως μοι που στω знанія, его неподвижный пунктъ и опора на всегда и по самой его сущности. Его пытались замѣнить другими положеніями, болѣе широкими или болѣе тѣсными, взятыми изъ другихъ областей внутренняго и даже внѣшняго опыта(—nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu; я=я); но безуспѣшность этихъ попытокъ теперь уже вполнѣочевидна, и сущность открытія Декарта остается и останется неизмѣнною) Но эта основная истина сама по себѣ утверждаетъ только бытіе мысли и косвенно бытіе мыслящаго начала или существа Нужно отыскать еще другую основную аксіому или самоочевидную истину, которая могла-бы служить ручательствомъ и опорою для самой мысли—признавать иное бытіе внѣшнее. Бытіе это открывается въ мысли, давая ей даже главное содержаніе, но является за то для познающаго его и существующимъ въ формѣ мысли, въ формѣ идей, впечатлѣній и пр: потому вполнѣ возможно сомнѣніе относительно реальности всего. предполагаемаго находящимся внѣ самой мысли. Получается безвыходный кругъ, полная невозможность прямого перехода отъ субъективнаго къ объективному бытію. Декартъ сдѣлалъ блистательную попытку разорвать этотъ кругъ единственнымъ и доселѣ возможнымъ способомъ и получить истину очевидную или аксіому, лежащую въ основѣ всякой объективной достовѣрности или достовѣрности объективнаго бытія. предполагаемой необходимо каждымъ актомъ знанія о немъ Эта аксіома дана въ истинѣ бытія Существа Всесовершеннаго, или Бога.—иначе бытія внѣ конечной мысли,—мысли всесовершенной и мыслящаго всесовершеннѣйшаго Существа. Бытіе такого Существа одно только представляетъ и можетъ представлять для ума ручательство. что его идеи бытія внѣшняго и знанія о немъ не обманъ и не субъективный, иллюзорный вполнѣ процессъ.

Способъ вывода этой аксіомы и ея выраженіе нельзя назвать

удачными. Но самая истина отъ этого не теряетъ своей силы и значенія. являясь на всегда для ума основою достовѣрности объективною Для обыденнаго сознанія ручательство и основа этой достовѣрности. пожалуй, вовсе не нужны. и въ практическомъ отношеніи присутствіе или отсутствіе ихъ ничего не измѣняетъ въ знаніи и дѣйствіяхъ человѣка: но для ума мыслящаго и стремящагося все обосновать,—это необходимо. При этомъ для него, по самому складу всей его дѣятельности, очевидность такой достовѣрности возможна только при томъ условіи. когда конечное, ограниченное и несовершенное будетъ съ очевидностію вытекать изъ безконечнаго и всесовершеннаго и опираться на немъ. Можно выразить мысль Декарта иначе,- подставить вмѣсто существа несовершеннаго—міровой порядокъ или гармонію всего и предустановленную гармонію. какъ сдѣлалъ Лейбницъ; или—единство вселенной. какъ одного постепенно развивающагося процесса. часть котораго составляетъ и мысль, отражающая внѣшнее бытіе въ своихъ идеяхъ, какъ дѣлаютъ эволюціонисты,—сущность дѣла отъ этого не измѣнится: достовѣрность открывающагося въ мысли объективнаго бытія все-таки будетъ частнымъ случаемъ всеобщаго и безконечнаго совершеннаго. выводомъ изъ него. При этомъ, установленное въ главномъ. у Декарта, признаніе бытія всесовершенной. всеобъемлющей и абсолютной мысли, или ума, производящаго все остальное бытіе и установляющаго отношеніе человѣческой мысли къ внѣшнему—всегда будетъ ближе и очевиднѣе для ума человѣческаго. чѣмъ всякое другое, при томъ болѣе сообразно съ основною аксіомою знанія, утверждающею достовѣрность и очевидность въ сферѣ конечнаго только бытія мысли конечной. Отсюда переходъ къ бытію мысли безконечной. всесовершенной и всеобъемлющей прямой и менѣе насильственный, чѣмъ къ бытію другого рода, имѣющему все-таки, по необходимости. аттрибуты безконечнаго и высшаго. Во всякомъ случаѣ. Декартъ вѣрно указалъ тотъ пунктъ, гдѣ нужно искать опоры объективной достовѣрности и аксіомы, лежащей въ ея основѣ. Точное опредѣленіе этой аксіомы и установленіе всеобщаго согласія по отношенію къ ней есть только вопросъ времени и труда въ этомъ направленіи Изъ двухъ

главныхъ аксіомъ основныхъ сама-собою вытекаетъ третья — бытіе внѣшняго-матеріальнаго міра, или тѣлесности въ томъ видѣ, какъ оно открывается въ умѣ. За этими аксіомами слѣдуетъ рядъ другихъ, выражающихъ свойства мыслящаго и тѣлеснаго. Изъ нихъ развиты и обоснованы только три свойство духа — мышленіе и свойство тѣлесности — протяженіе и слѣдующая отсюда прямая противоположность того и другого. Эти аксіомы тоже выражены не вполнѣ удачно и недостаточно развиты въ своемъ содержаніи, но въ основѣ своей остаются неизмѣнными доселѣ и останутся, надо полагать, навсегда. Ближайшимъ ихъ важнымъ слѣдствіемъ должно быть полное раздѣленіе науки о духѣ и науки о веществѣ, неосуществленное, къ сожалѣнію, и доселѣ или, точнѣе, осуществленное съ великимъ успѣхомъ только относительно науки о веществѣ. Самыя крупныя ошибки Декарта во всемъ его планѣ развитія знанія, ошибки, какъ это часто бываетъ, особенно усвоенныя и развитыя ко вреду науки его преемниками,—ихъ именно,— эти ошибки и признавшими за самое главное въ ученіи Декарта и за самое возвышенное, слѣдующія. Объясняя происхожденіе идеи Божества, онъ призналъ ее не прямымъ слѣдствіемъ непосредственнаго принужденія имѣть ее, а вложенною въ душу самимъ Богомъ,— какъ бы въ готовомъ видѣ, и расположенъ былъ смотрѣть и на другія аксіомы, какъ на «semina veritatis, animis nostris a natura inditis», какъ на понятія, которыя Самъ Богъ «animis nostris impressit» («De methodo», pag. 54 et. 36). Доказывая этотъ свой взглядъ, онъ призналъ въ духѣ существованіе какъ бы особой способности, части души, содержащей ихъ, и поставилъ ее въ параллель съ внѣшними чувствами. Отсюда возникла несчастная доктрина прирожденныхъ идей и затѣмъ ученіе о спеціальномъ метафизическомъ методѣ, опирающемся на готовыхъ прирожденныхъ знаніяхъ. Считая дедукцію лучшимъ средствомъ окончательнаго установленія очевидности истины, и вполнѣ справедливо, онъ, въ тоже время, пытался факты опыта вывести прямо изъ общихъ положеній или началъ, сознаваясь, впрочемъ, что это возможно только относительно самыхъ крупныхъ явленій «Caeterum» — говоритъ онъ — «rationes effectuum a causis, non

autem e contrario causarum ex effectibus deducere» («De meth.» p. 54—55). Отсюда выродилось потомъ ученіе, что философія можетъ развиваться вполнѣ независимо отъ опыта и изслѣдованія фактовъ, чего Декартъ никогда не выражалъ. Развивая и совершенствуя эти ошибки, послѣдующіе философы совершенно опустили изъ виду существенное и цѣнное въ методѣ или планѣ системы Декарта.

Въ свою очередь Бэконъ, развивая свое ученіе объ опытѣ, какъ основѣ и источникѣ знанія, слишкомъ мало обращалъ вниманія на дѣятельность мысли въ знаніи и на значеніе дедуктивныхъ операцій въ толкованіи природы и разширеніи знанія, хотя на словахъ признавалъ значеніе всего этого и былъ намѣренъ посвятить этой сторонѣ знанія особый отдѣлъ въ своемъ «Instauratio magna». Его преемники уже вовсе отбросили дедукцію и исказили, т. о, мысль и дѣло Бэкона въ цѣломъ. Какъ послѣдователи Декарта все хотѣли произвести безъ наблюденія и опыта—изъ Богомъ данныхъ готовыхъ знаній,—такъ послѣдователи Бекона все знаніе производили изъ одного опыта и притомъ опыта чувственнаго, игнорируя внутренній опытъ. Это искаженіе могло-бы быть устранено только въ томъ случаѣ, если-бы явился мыслитель, который-бы захотѣлъ и имѣлъ силу объединить и свести въ одно цѣлое то, что было сдѣлано цѣннаго какъ Бэкономъ, такъ и Декартомъ, и создать цѣлостный взглядъ на образованіе человѣческаго знанія,—объединить въ одно цѣлое указанныя ими основы, элементы и способы развитія знанія. Но этого не случилось, и философія пошла по двумъ различнымъ направленіямъ, постепенно разошедшимся до противоположности и взаимнаго исключенія другъ-друга. Началась борьба, продолжающаяся и до настоящаго времени, и возвратъ, съ одной стороны, къ схоластикѣ и древнему произвольному, творческому идеализму, съ другой—къ софистикѣ и полному почти отрицанію философіи, какъ особой отрасли знанія. Дѣятелями въ первомъ направленіи были главнымъ образомъ нѣмцы, во второмъ англичане, шотландцы и французы. Происшедшій отсюда хаосъ въ области философскихъ понятій осложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ философіи, какъ ее понимали Бэконъ и Декартъ, по-

степенно выпала и стала вполнѣ самостоятельною цѣлая громадная область наукъ о явленіяхъ природы и духа, и возникъ терминъ *наука*, вмѣсто унаслѣдованнаго отъ древнихъ и среднихъ вѣковъ термина *философія*. Какъ бы то ни было, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія или хода философіи-метафизки служитъ произведенная ими реформа и ихъ понятіе о философіи и ея составѣ.

Главная заслуга Бэкона и Декарта, дѣлающая ихъ основателями новой философіи, — есть указаніе и объясненіе ими двухъ основъ, сторонъ или моментовъ человѣческаго знанія и двухъ главныхъ методовъ, при помощи которыхъ оно строится и можетъ быть построено въ самой совершенной, какая доступна человѣку, формѣ. Основы эти — сознательный цѣлесообразный опытъ, опирающійся на прямое воспріятіе,—и умозрѣніе, сознательно опирающееся на свойство мышленія, и возникающія изъ ихъ сочетанія всеобщія самоочевидныя положенія; методы—индукція, или опредѣленіе причинъ по явленіямъ и дѣйствіямъ, и дедукція--выводъ явленій изъ причинъ. При этомъ оба мыслителя, разсматривая съ подробностію одну только изъ этихъ сторонъ и одинъ только методъ, впали въ односторонности и крайности, ставшія какъ бы темами для послѣдующаго развитія философіи въ двухъ, разошедшихся до противоположности другъ-другу направленіяхъ. Опредѣливши точки опоры и устои знанія человѣческаго, новая философія не могла связать ихъ и объединить въ одно цѣлое—въ своемъ началѣ и зарожденіи и стать, т. о., однородною и устойчивою. Она превратилась, потому, въ два ряда одностороннихъ попытокъ — построить прежнее зданіе знанія на одной изъ двухъ основъ—однимъ изъ двухъ способовъ—и получила, естественно, непрочныя, колеблющіяся и неустойчивыя системы. Но эти попытки не прошли безслѣдно. Благодаря имъ, стала ясною полная необходимость объединенія обѣихъ основъ и гармоническаго сліянія обоихъ методовъ для достиженія дѣйствительнаго знанія во всѣхъ областяхъ и, въ частности, для построенія знанія философскаго,—философіи науки, или научной философіи. какъ теперь часто выражаются. Такое построеніе есть уже достаточно сознанная, хотя не вполнѣ еще выяснен-

ная задача нашего времени, еще полнаго отголосковъ средневѣковой борьбы двухъ различныхъ направленій. Рѣшеніе этой задачи облегчается полнымъ выдѣленіемъ эмпирическаго знанія. эмпирической науки, объясняющей по частямъ различныя группы и отдѣлы явленій, доступной знанію, вселенной, въ особую область. и возникшею отсюда потребностію свести эти знанія въ одно цѣлое высшаго порядка, способное дать, при новой обработкѣ. и высшую ступень знанія. не даваемаго эмпирическою наукою. Для этого знанія вся наука эмпирическая можетъ служить какъ бы одною изъ посылокъ въ объясненіи и толкованіи міра. какъ одного цѣлаго. какъ одного сложнѣйшаго факта. изъ его первыхъ началъ и основъ, что̀ собственно и составляетъ послѣднюю цѣль философіи, которая тѣмъ самымъ превращается въ единую и нераздѣльную область безъ различенія первой и второй. — въ истинную, въ этомъ смыслѣ. философію, въ первое и основное знаніе среди другихъ—въ primum inter pares.

Такого раздѣленія--эмпирическаго объяснительнаго знанія и въ собственномъ смыслѣ—философскаго Бэконъ и Декартъ не знали, а потому въ своемъ взглядѣ на философію стояли на схоластической точкѣ зрѣнія или Аристотеле-схоластической. Для нихъ философія была—rerum divinarum et humanarum scientia,—все вообще человѣческое знаніе, объясняющее какъ отдѣльныя явленія и ихъ область. такъ и всю вселенную. Отождествляя философію со всею совокупностію объяснительнаго знанія и философское знаніе противополагая сырому матеріалу знанія.--описанію и собиранію фактовъ,—и знанію, получаемому изъ Откровенія, Бэконъ и Декартъ одинаково почти въ общихъ чертахъ представляли Философію, ея систему, какъ систему всѣхъ наукъ о Богѣ. мірѣ и человѣкѣ. Такъ, по Бэкону, вся область философскаго знанія состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: а) философіи первой, или основной, которая состоитъ изъ опредѣленія основныхъ и всеобщихъ аксіомъ, вѣрныхъ относительно всего познаваемаго, имѣющихъ одинаково значеніе въ теологіи, физикѣ и этикѣ. Характеризуя эту науку, какъ «общую мать всѣхъ прочихъ наукъ». указывая нѣкоторыя изъ ея аксіомъ примѣрно, онъ считаетъ ее совер-

шенно новою, еще не существующею и самъ не выясняетъ даже общаго плана ея построенія. Нѣсколько разъ онъ называетъ ее и Метафизикою б) Изъ естественной теологіи, содержащей ученіе о Богѣ на основаніи опыта и требованій разума в) Третья часть философія природы, которая состоитъ изъ: а) теоретической философіи природы, распадающейся на два отдѣла—метафизику, въ которой изслѣдуются цѣли и конечныя причины явленій міра, и физику—изслѣдованіе дѣйствующихъ причинъ; г) практической философіи природы, состоящей изъ механики и натуральной магіи; с) математики, антропологіи, съ подраздѣленіемъ ея на физіологію и психологію. изъ логики, этики и политики. Наука о конечныхъ причинахъ или—что то же—божественномъ планѣ въ природѣ стоитъ близко съ естественною философіею а какъ основная для философіи природы—сливается удобно съ философіею основною или первою. Т. о., вся область философскаго знанія представляетъ по Бэкону, въ сущности. два отдѣла—первую философію или метафизику,—и философію природы, обнимающую и всѣ антропологическія, гуманныя науки. Система Декарта имѣетъ въ общемъ тотъ же самый видъ Первая часть философіи или «истинной философіи» —verae philosophiae, какъ выражается онъ, есть метафизика. «содержащая въ себѣ начала познанія въ связи съ ученіемъ о главныхъ аттрибутахъ Бога. о безсмертіи души и о ясныхъ, простѣйшихъ понятіяхъ намъ прирожденныхъ. quae in nobis reperiuntur». Вторая часть есть физика. «въ которой, послѣ отысканія началъ матеріальнаго. вообще изслѣдуется, какъ составлена вся вселенная, quomodo totum universum sit compositum—и которая распадается на три главные отдѣла: медицину (т. е. науку о тѣлѣ живомъ). механику и этику. Кромѣ того, Декартъ и Бэконъ были проникнуты полною вѣрою въ силы ума человѣческаго, въ его способность пріобрѣсти дѣйствительное знаніе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Потому они увѣрены въ полной истинности—одинъ обобщеній изъ опыта, другой—аксіомъ. добытыхъ умозрѣніемъ на основаніи опыта внутренняго; для нихъ они несомнѣнны были какъ для религіознаго человѣка—вѣрующаго догматы вѣры. Потому основанная ими новая философія носитъ названіе дог-

матической. Правда, она начинается съ сомнѣнія въ истинности существующаго знанія у Декарта—въ истинности воспріятій Но сомнѣнія въ способности человѣческаго разума познать самыя сокровенныя тайны бытія у нихъ нѣтъ, а потому нѣтъ и оцѣнки, критики его силъ. анализа его состава. указанія предѣловъ и т. п. Преемники и послѣдователи Бэкона скоро освободились отъ этой слѣпой вѣры и поставили вопросъ объ общей компетентности ума. объ источникахъ и предѣлахъ его силы. а потому и самъ Бэконъ многими ставился внѣ догматизма, какъ основатель не только, такъ называемаго, эмпирическаго, но и критическаго направленія философіи.—совершенно, впрочемъ, невѣрно Напротивъ, догматизмъ господствуетъ у преемниковъ Декарта и, послѣ нѣкотораго перерыва философіею Канта, уже въ концѣ XVIII вѣка.—съ новою силою возникаетъ въ нѣмецкомъ идеализмѣ. Прослѣдимъ сначала развитіе общее философіи въ этомъ направленіи—на континентѣ Европы.

III.

Философія прямыхъ послѣдователей Декарта до Канта стала догматична вдвойнѣ, такъ какъ не только проникнута вѣрою въ силы ума. но принимаетъ уже какъ-бы на вѣру главныя положенія Декарта: cogtio—ergo sum, прирожденныя знанія, значеніе идеи Божества и друг Для нихъ Декартъ былъ то-же, что Аристотель для схоластиковъ. Нѣмцы потомъ, превративъ трудами Вольфа картезіанскую философію въ чисто схоластическую систему—въ протестантскую схоластику, подставили—вмѣсто Декарта—своего Лейбница, который играетъ роль Ѳомы Аквината,—роль примирителя теологіи съ философіею, которая носитъ его имя, съ прибавкою имени его ученика Вольфа, называясь Лейбнице-Вольфіанскою. Т. о., вмѣстѣ съ вѣрою въ силы разума воскресла и схоластическая вѣра въ авторитетъ одного лица-философа. Затѣмъ философія заручилась санкціею протестантской церкви и гражданской власти, къ которой въ протестантствѣ перешли прерогативы папы въ дѣлахъ церковныхъ; они утверждались и распространялись въ Германіи указами; исповѣданіе ея стало призна-

комъ ортодоксальности и благонамѣренности Послѣ того, какъ авторитетъ Лейбница былъ ниспровергнутъ Кантомъ, роль схоластическаго Аристотеля перешла на нѣкоторое время къ Гегелю, въ періодъ догматизма, идеалистическаго, и идолопоклонство передъ авторитетомъ выразилось въ самыхъ крайнихъ формахъ, не уступающихъ схоластическому поклоненію Аристотелю.

Первые картезіанцы съуживаютъ задачу Декарта, сосредоточивая свое вниманіе на одномъ и притомъ второстепенномъ вопросѣ объ отношеніи между тѣломъ и душею, воображая, что продолжаютъ дѣло Декарта. Спиноза беретъ за исходный пунктъ философіи мимоходомъ сдѣланное Декартомъ опредѣленіе субстанціи и, буквально понимая его требованіе развивать философію-знаніе по образцу математики — modo geometrico—создаетъ свою знаменитую систему производства всего изъ абсолютной субстанціи съ двумя аттрибутами и модусами. При этомъ за образецъ своего построенія береть учебникъ геометріи на началахъ Евклида. Подъ прямымъ вліяніемъ этой системы потомъ возникаетъ нѣмецкій идеализмъ, который у Шеллинга и Гегеля представляетъ просто передѣлку построенія Спинозы. Лейбницъ исправляетъ ученіе Декарта объ отношеніи между духомъ и матеріею, въ смыслѣ возникшаго въ естествознаніи того времени понятія силы, и сводитъ все къ представляющимъ единичнымъ силамъ. Вводя ученіе о безсознательномъ представленіи, онъ исправляетъ ученіе Декарта о прирожденныхъ идеяхъ и даетъ ему особаго рода основу утвержденіемъ возможности для человѣка безсознательнаго знанія. Ученикъ его Вольфъ—во второй четверти XVIII вѣка—строитъ цѣлую систему философіи на картезіанскихъ началахъ, совершенно уже искажая ихъ широкій смыслъ. Раздѣливши все знаніе человѣческое на историческое (собираніе фактовъ), философское и математическое, онъ такъ опредѣляетъ знаніе философское и философію: «философія есть знаніе о возможномъ, насколько оно осуществимо--philosophia est scientia possibilium, quatenus esse possunt» («Phil. rat». pag. 13). «Философія объясняетъ, какимъ образомъ возможное становится дѣйствительнымъ. (Phi-

losophus est, qui rationem reddere potest eorum, quae sunt vel esse possunt). Чистой философіи три отрасли: одна трактуетъ о Богѣ, другая—о душѣ человѣческой, третья—о тѣлахъ, или предметахъ матеріальныхъ. Первая называется естественною или раціональною теологіею, и есть знаніе о томъ, что возможно для Бога» — scientia eorum, quae per Deum possibilia sunt. Вторая—психологія, которая есть наука о томъ, что возможно для человѣческой души. Ея вѣтви суть: наука о двухъ способностяхъ души, логика и практическая философія, обнимающая этику, политику, экономику, технологію, философію свободныхъ искусствъ (Grammatica, Poetica, Ritorica philosophica). Третья часть есть физика—наука о томъ, что возможно для тѣлъ. Она раздѣляется на физику общую, космологію —общую и частную, фотологію, физіологію и пр. Кромѣ этого, въ силу того, что во всѣхъ существахъ есть нѣчто общее,—является новая часть философіи, наука о бытіи вообще, или о бытіи, какъ такомъ—scientia entis, quatenus ens est. Она называется онтологіею и—первою философіею. Соединяясь въ одно цѣлое, раціональная теологія и психологія составляютъ пневматику, науку о духахъ. Пневматологія, соединяясь съ космологіею и онтологіею, даютъ начало метафизикѣ, которая есть наука о бытіи, о мірѣ вообще и о духахъ» — «est metaphysica scientia entis, mundi in genere atque spirituum». Послѣ къ ней Вольфъ присоединяетъ еще телеологію. Порядокъ всѣхъ этихъ наукъ въ философіи, по Вольфу, долженъ быть такой. Первое мѣсто занимаетъ логика, въ виду удобства. Затѣмъ слѣдуетъ метафизика—въ такомъ порядкѣ своихъ частей: онтологія, космологія, психологія, теологія естественная, телеологія. Послѣдователи Вольфа этотъ порядокъ частей метафизики измѣнили такъ—онтологія, теологія, космологія, психологія, и самая метафизика поставлена на первое мѣсто (Vinclerus. «Institutiones Methaphysicae et Logicae»...). За метафизикою слѣдуетъ физика, которая раздѣляется здѣсь на эмпирическую и догматическую, при чемъ первая мыслится какъ введеніе къ послѣдней, съ различными ея отраслями, и существенно вредитъ ей. Наконецъ, за физикою слѣдуетъ этика со всѣми ея отраслями. Ей, въ качествѣ введенія, пред-

посылается психологія эмпирическая, въ силу чего психологія—часть метафизики—получаетъ названіе психологіи раціональной. У Винклера та и другая уже составляетъ прямо часть метафизики. Во всей этой системѣ нѣтъ уже и рѣчи объ основахъ и составѣ человѣческаго знанія вообще. Основами знанія называются всеобщія понятія, или категоріи. Методъ состоитъ даже и не въ демонстраціяхъ математическаго характера, а въ сохраненіи порядка, который состоитъ въ выводѣ частнаго изъ общаго—и только. Повѣрки основныхъ положеній уже нѣтъ и слѣда. Они мыслятся какъ-бы данными, готовыми и не требующими ничего, кромѣ указанія и разъясненія понятій, въ нихъ заключающихся.

Уже этотъ простой обзоръ содержанія и общій характеръ системы Лейбнице-Вольфіанской философіи показываетъ прямо, что въ ней воспроизведена схоластика въ самомъ существенномъ и основномъ,—полное возстановленіе того, что ниспровергнуто было Декартомъ и Бекономъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ искаженіе положеннаго ими начала новой философіи. По содержанію своему эта система также схоластична, пуста и безсодержательна, какъ система схоластическая, тѣмъ болѣе, что въ существенномъ она буквально даже повторяетъ схоластическія сентенціи. Въ дѣйствительности ея содержаніе реальное, какъ и содержаніе схоластической философіи, заимствовано изъ теологіи. И похвала этой философіи, высказанная кѣмъ-то изъ русскихъ богослововъ, похвала величайшая съ богословской точки зрѣнія,—именно, что философія эта есть богословіе безъ текстовъ изъ Св. Писанія,—чрезвычайно мѣтко характеризуетъ ее и ея цѣнность, какъ философіи. Конечно, это было бы очень хорошо, еслибы согласіе философіи съ теологіею произошло путемъ независимаго развитія философскихъ изслѣдованій изъ началъ своихъ собственныхъ; но дѣло въ томъ, что его причина есть простое заимствованіе, едва замаскированное нѣкоторыми соображеніями отъ разума, какъ говорится, соображеніями общими и весьма плохо обоснованными. Всего яснѣе это видно изъ содержанія метафизики. Предметъ ея: «первые принципы знанія человѣческаго,—Богъ, душа и основы—prima—міра видимаго, подъ

которыми разумѣются какъ всѣ элементы тѣлъ, такъ и все, что можетъ быть предикатомъ видимаго міра и зависитъ прямо и единственно отъ Бога». Первая часть метафизики—онтологія, наука, «излагающая первыя начала человѣческаго знанія». Первыми началами знанія называетъ, при этомъ «то, въ чемъ все существующее и могущее существовать согласно между собою». Совокупность этихъ общихъ свойствъ и есть сущее—ens in genere, τὸ ὄν—существующее прежде всякихъ частностей. praeter quod nihil est, quod tanquam prius cogitari possit Содержаніе онтологіи затѣмъ и слагается изъ обзора и описанія этихъ свойствъ, т. е. изъ кое-какого анализа ихъ содержанія. Самое первое и основное въ бытіи есть отсутствіе въ немъ противорѣчія и самая первая истина—есть законъ противорѣчія. Чрезъ него «мы удостовѣряемся, что все есть то, что есть, и ничто сущее не есть не-сущее». За тѣмъ идетъ ученіе о возможномъ и невозможномъ, о существованіи, о законѣ достаточнаго основанія, о сущемъ и не-сущемъ (non ente); о состояніяхъ—de affectionibus: о единствѣ, которое бываетъ математическое и метафизическое, объ истинѣ, о совершенствѣ и добротѣ; о тождествѣ и различіи и ихъ родахъ; о зависимости, независимости и связи; объ отношеніи и состояніи; о силахъ, дѣйствіяхъ и страдательныхъ измѣненіяхъ (passionibis). О родахъ сущаго: объ единичномъ и общемъ; о субстанціи и свойствѣ, служащемъ предикатомъ; о необходимомъ и случайномъ; о цѣломъ и частяхъ, о составномъ и простомъ; о конечномъ и безконечномъ; о началахъ и причинахъ; о знакѣ и означаемомъ. О состояніи существъ съ съ точки зрѣнія ихъ существованія: о порядкѣ; о пространствѣ, положеніи, мѣстѣ и фигурѣ; о времени и движеніи; о возникновеніи и прекращеніи бытія. Очевидно, вся онтологія имѣетъ дѣло не съ сущимъ—реальнымъ и дѣйствительными основами міра явленій, а съ нашими идеями и понятіями о бытіи или сущемъ, съ формами, подъ которыми мы мыслимъ и можемъ мыслить вообще предметъ существующій. Въ сущности, здѣсь не дается никакого знанія, кромѣ того, какое дано въ словахъ - терминахъ, коль скоро они употребляются со смысломъ. Только эти простые термины значительно затем-

няются искусственными опредѣленіями ихъ и получаютъ смыслъ какихъ-то реальностей, существующихъ прежде всего,—прежде всякихъ опредѣленныхъ предметовъ, что покрываетъ ихъ непроницаемымъ туманомъ и дѣлаетъ немыслимыми даже вовсе.--Естественная теологія начинается изложеніемъ началъ или принциповъ ея—principia Theologiae naturalis. Здѣсь трактуется: о natur'ѣ или субстанціи мыслящей, о томъ, что усматриваетъ въ себѣ душа дающаго ей познаніе о Богѣ—мысль о субстанціи необходимой: о томъ, что есть въ видимомъ мірѣ дающаго ей познанія о Богѣ—идея необходимаго существа; о бытіи Божіемъ: доказательство бытія Божія; о существѣ и свойствахъ Божіихъ—безконечности, простотѣ, вѣчности, объ умѣ Божіемъ. о волѣ Божіей, о всемогуществѣ, блаженствѣ. Космологія—о существѣ міра, объ элементахъ, о связи ихъ, о происхожденіи тѣлъ изъ элементовъ; о связи элементовъ съ субстанціями мыслящими. О существованіи міра: твореніе, цѣль творенія, совершенство міра, о премудрой связи, о міровомъ порядкѣ, о судьбѣ и случаѣ, о сохраненіи вселенной, о пустотѣ за предѣлами міра; о всеприсутствіи Божіемъ; о провидѣніи и промыслѣ, о чудесахъ; о началѣ зла.

Въ Германіи съ XVIII в. философія, развивая до крайности въ невѣрномъ направленіи мысль Декарта о существованіи истинъ, получаемыхъ независимо отъ опыта внѣшняго, путемъ обращенія мыслящаго субъекта къ себѣ самому и мысли на саму себя, постепенно возвращается къ схоластическому признанію существованія готовыхъ знаній и истинъ и притомъ знаній относительно самыхъ удаленныхъ отъ человѣка, самыхъ возвышенныхъ предметовъ,—о сущности бытія, о Богѣ, душѣ, цѣляхъ какъ человѣческой дѣятельности, такъ и жизни всей вселенной. Въ Англіи въ это время шло развитіе до крайности—и тоже въ направленіи незаконномъ и ошибочномъ—мысли Бэкона объ опытномъ происхожденіи всего человѣческаго знанія. Положеніе, что знаніе о внѣшнемъ мірѣ получается изъ воспріятій чувственныхъ, или ощущеній, превратилось у Локка (род. 1632 г., † 1704 г.) въ утвержденіе, что и все содержаніе и самый составъ мыслящаго

субъекта или души получается изъ того же источника: что всѣ идеи и внутреннія операціи мысли,—самый, слѣдовательно, строй ея.—возникаютъ изъ ощущеній. путемъ ихъ преобразованія: идеи самыхъ этихъ операцій получаются путемъ отраженнаго, внутренняго ихъ воспріятія или рефлексіи. Отсюда прямо слѣдуетъ, что самыя отвлеченныя понятія и идеи, самыя общія истины, кажущіяся какъ бы готовыми. суть продукты ощущенія и внѣшняго опыта и ни въ какомъ смыслѣ не прирождены душѣ человѣческой. При такомъ взглядѣ на составъ души и мысли—предѣлы знанія ограничиваются только тѣмъ. что дано въ ощущеніяхъ и воспріятіи внутреннемъ и внѣшнемъ, изъ нихъ развивающихся: знаніе объ основахъ вещей и сущаго, открывающагося какъ состояніе ощущеній, какъ явленіе,—о природѣ духа, Бога, конечныхъ цѣляхъ прямо и рѣшительно невозможно. Эта область навсегда закрыта для человѣка. Метафизики, потому. нѣтъ и быть не можетъ: есть и возможно только опытное знаніе, опытная наука, которая развѣтвляется въ науку о явленіяхъ внѣшнихъ, данныхъ въ ощущеніи и явленіяхъ внутреннихъ, строящихся изъ ощущеній и ихъ идей. Никакой третьей еще области знанія, выводящей насъ за предѣлы явленій даже и не требуется, такъ какъ все, что нужно знать человѣку для цѣлей его жизни—благополучія,—дается эмпирическою наукою о веществѣ и такою же эмпирическою наукою о душѣ или духѣ человѣческомъ, т. е. о его явленіяхъ, образующихся изъ ощущеній и составляющихъ только другую сторону явленій. называемыхъ внѣшними. Стремленія и порыванія ума въ область абсолютнаго, скрытаго за явленіями, могутъ приводить только къ фантазированію, фантастическимъ построеніямъ и—просто- -неразумны, недостойны человѣка, есть слѣдствіе невѣжества, —незнанія средствъ и силъ ума, своего рода дѣтское, ребяческое желаніе достать недосягаемое. Установленіемъ, въ трудахъ Гертли и Пристли, принциповъ для объясненія образованія разныхъ состояній и измѣненій душевныхъ изъ ощущеній, ихъ идей и идей самыхъ этихъ измѣненій и состояній,—основный взглядъ Локка еще болѣе утвердился. Принципами этими оказались законы ассоціаціи душевныхъ состояній—идей во-

обще, которыя стали теперь разсматриваться какъ основные законы душевныхъ образованій, аналогичные съ законами протяженія во внѣшней природѣ. Законами ассоціаціи, повидимому, легко объяснялись всѣ построенія въ области мысли, желанія и чувства—всѣ сложныя душевныя дѣятельности, безъ помощи гипотезы особой субстанціи душевной, идея которой отнесена тоже къ разряду идей, образующихся изъ внутренней рефлексіи путемъ творческаго ихъ преобразованія Юмъ и произвелъ это объясненіе въ своихъ знаменитыхъ «Опытахъ о человѣческомъ умѣ». При этомъ, устраняя всѣ метафизическіе вопросы, какъ вполнѣ и навсегда неразрѣшимые, и отвергая метафизику—науку о сущности вещей—науку, по его мнѣнію, «пустую, на половину состоящую изъ суевѣрій и на половину изъ условныхъ фразъ». онъ на ея мѣсто ставитъ новую науку, которую называетъ «истинною метафизикою» и философіею. Наука эта—критическій анализъ ума человѣческаго, оцѣнка его силъ и точное опредѣленіе границъ, до какихъ можетъ простираться знаніе, оставаясь точнымъ и достовѣрнымъ. Полагая начало этой науки, Юмъ привелъ все знаніе человѣческое къ опредѣленію явленій и ихъ соотношеній между собою и между идеями, въ которыхъ эти явленія отображаются, въ формѣ которыхъ они только и существуютъ для человѣка. Далѣе этого знаніе идти не можетъ при существующихъ условіяхъ. Свою метафизику Юмъ признавалъ въ высшей степени полезной практически и вполнѣ осуществимой. Въ концѣ концовъ, метафизика превратилась въ теорію ума, въ исторію и критику идей его, а затѣмъ въ теорію вообще душевной дѣятельности, и слилась съ опытною психологіею. А съ тѣмъ вмѣстѣ превратилась въ психологію, на началахъ сенсуализма, и вся философія. Она стала наукою о невозможности знанія основъ вещей, природы духа. Бога. міра духовнаго, конечныхъ цѣлей бытія, т е. собраніемъ отрицаній, отрицаніемъ самой себя. И самое понятіе философіи въ духѣ взгляда на нее Бэкона и Декарта, какъ на объяснительное знаніе, прямо отождествлено было съ эмпирическою наукою о природѣ и духѣ. У англичанъ постепенно вошло въ обычай называть философіею всякое объясне-

ніе. теорію явленій природы и жизни человѣческой, всякую науку; всякій научный трактатъ. также называть философами физиковъ. астрономовъ, химиковъ, какъ психологовъ и моралистовъ въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Термины: метафизика, метафизическій, при этомъ, стали прилагаться къ психологическимъ и логическимъ изслѣдованіямъ. Само собою понятно. что не всѣ мыслители въ Англіи раздѣляли эти воззрѣнія. Были схоласты въ духѣ Вольфа и вообще идеалистическаго догматизма Были попытки. на основаніи добытыхъ Локкомъ и Юмомъ данныхъ относительно ума и познанія, возстановить въ новой формѣ содержаніе старой метафизики, особенно познаніе о Богѣ и духѣ,—въ родѣ извѣстной попытки Беркли. Была серьезная попытка примирить выводы критическихъ изслѣдованій ума съ матафизическою и догматическою философіею, какова. напр., попытка Рида и его школы, такъ называемой шотландской, эклектическія умозрѣнія и изслѣдованія которой извѣстны подъ именемъ философіи здраваго смысла. Но уже къ началу текущаго столѣтія идеи Локка и Юма одержали верхъ, и ихъ философія, подъ именемъ эмпирической философіи, въ сущности отрицавшая все положительное въ содержаніи философіи, и, слѣдовательно, ее саму,—стала здѣсь господствующею и распространилась постепенно повсюду. Прежде всего, она проникла во Францію и произвела здѣсь сильное движеніе, такъ называемое, просвѣтительное, быстро превратившееся въ поверхностный, догматическій матеріализмъ эпохи просвѣщенія. Матеріализмъ этотъ призналъ мысль продуктомъ, выдѣленіемъ мозга при полномъ почти отсутствіи знанія его строенія и отправленій, и, на основаніи самымъ поверхностныхъ данныхъ опыта, сводилъ всю міровую жизнь къ матеріальному механизму, объясняя всякое ученіе о духовномъ суевѣріемъ, нелѣпостью. Это было возстановленіемъ догматической метафизики, только съ измѣненіемъ понятія объ основахъ, на основаніи данныхъ поверхностной и односторонней критики, умственныхъ силъ человѣка и источниковъ знанія. Метафизика эта, потому, легко превратилась въ своего рода вѣрованіе, недопускавшее и мысли о какой-либо разумности противоположныхъ ему воззрѣній и вѣрова-

ній. Отсюда крайній фанатизмъ послѣдователей этой метафизики, нетерпимость и вражда особенно къ религіи, выразившіяся въ такихъ крайнихъ формахъ во время первой революціи и отчасти произведшія ее,—конечно, въ связи съ другими факторами. Метафизика матеріализма скоро потеряла свою силу и значеніе, пала вслѣдствіе именно своей внутренней слабости и несостоятельности съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы спустя нѣкоторое время вновь возродиться въ болѣе совершенной, quasi - научной формѣ, опираясь на новыхъ данныхъ опытныхъ знаній въ области физической природы, особенно въ области жизни организма. Это возрожденіе произошло въ Германіи подъ вліяніемъ тоже эмпирическо-англійской философіи или критики ума, но произошло не прямо, а черезъ посредство своеобразной переработки идей Локка и Юма въ критицизмѣ Канта, породившемъ рядъ идеалистическихъ системъ—Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта, Шопенгауэра. Для этихъ системъ основныя положенія Канта, добытыя критикою ума, стали исходнымъ пунктомъ и догматомъ. Они были развитіемъ этихъ положеній, всестороннимъ и подробнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ—приведеніемъ ихъ къ абсурду и мостомъ отъ критицизма къ матеріализму, господствующему теперь почти безраздѣльно въ Германіи среди обломковъ идеалистическихъ построеній или въ прямой связи съ самыми этими построеніями.

У преемниковъ Бэкона метафизика была вычеркнута изъ списка наукъ: на ея мѣсто поставлено было изслѣдованіе состава и познавательныхъ средствъ ума, съ отрицаніемъ въ немъ всякой способности познавать что-либо кромѣ явленій.—изслѣдованіе, легко и удобно связанное съ психологіею и логикою и слившееся съ содержаніемъ этихъ наукъ. Метафизика исчезла; но вмѣстѣ съ нею необходимо исчезла и философія, какъ особая даже сфера умственной дѣятельности, тѣмъ болѣе, какъ особая область знанія и науки. Дѣйствительное знаніе и притомъ всегда только съ извѣстною степенью вѣроятности, безъ признака необходимости,—возможно только на основаніи опыта, начинающагося ощущеніемъ и внутреннимъ—есть чувствомъ, а опытъ ничего не даетъ, кромѣ явле-

ній, самая связь и закономѣрность которыхъ. причинная зависимость есть только обобщеніе изъ опыта и привычка воспринимать всякое явленіе въ постоянной связи съ другими, ему предшествующими и за нимъ слѣдующими. Ни до какихъ основъ явленій и первыхъ ихъ причинъ опытъ довести не можетъ, тѣмъ болѣе, что самая идея бытія такихъ причинъ есть, образовавшаяся по аналогіи съ кажущимися связями причинными явленій, привычка думать о предшествующихъ quasi-дѣятеляхъ и производителяхъ всякаго явленія.—есть, такимъ образомъ. иллюзія. Наука. которая бы сдѣлала эту иллюзію своимъ предметомъ, какъ нѣчто реальное и дѣйствительно существующее, по необходимости состояла-бы изъ фикцій, не могущихъ дать никакого знанія. А потому такой науки и быть не можетъ, и существованіе философіи-метафизики было недоразумѣніемъ, съ которымъ необходимо покончить однажды навсегда.

IV.

Идея Юма замѣнить философію и метафизику анализомъ ума, наукою о познаніи, усвоена была въ Германіи Кантомъ и повела здѣсь также къ отрицанію и уничтоженію какъ метафизики, такъ, вмѣстѣ съ нею, и философіи. Только здѣсь этотъ результатъ получился не прямо, а послѣ напряженныхъ усилій возстановить науку объ основахъ сущаго, въ рядѣ блистательныхъ. но фантастическихъ и безсодержательныхъ системъ крайняго идеализма Фихте, Шеллинга, Гегеля и идеалистическаго реализма Шопенгауера и Гербарта съ ихъ многочисленными учениками и послѣдователями. Такое отступленіе объясняется, съ одной стороны, прямою связью германской философіи съ протестантскою теософіею, зависимостью первой отъ послѣдней—въ духѣ схоластики, съ другой—самымъ характеромъ критическихъ изслѣдованій Канта, основою и исходнымъ пунктомъ которыхъ было чисто схоластическое и Вольфіанское понятіе о силахъ души или—ближе—о силѣ умственной, существующей въ душѣ прежде всякаго своего обнаруженія съ своимъ, особеннымъ, готовымъ содержаніемъ. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства,—въ то время, какъ Юмъ опирался въ своихъ выводахъ на дѣйствитель-

ные факты внутренняго наблюденія и анализа, имѣлъ дѣло съ дѣйствительными умственными операціями и явленіями мысли и только невѣрно толковалъ ихъ и оцѣнивалъ. Кантъ оперировалъ надъ чистыми фикціями, надъ состояніемъ мысли въ дѣйствительности несуществующими и даже не только не предвидимыми, но и немыслимыми. Его выводы, построенные на фиктивныхъ данныхъ, взятыхъ на вѣру изъ схоластическо-догматической философіи, господствовавшей до него, оказались, потому, вовсе неубѣдительными и неочевидными. Самыя разсужденія его оказались полными противорѣчій (см. G. Spicker'a: «Kant Hume und Berkeley. Eine Kritik der Erkenntnis—theorie». Berlin. 1875), очевидныхъ и данныхъ нерѣдко въ одномъ и томъ же предложеніи. Разрушеніе метафизики и философіи, какъ науки объ основахъ міра явленій, произведено имъ также искусственно и насильственно, путемъ превращенія основъ этихъ въ чистые абсолюты,—въ вещи въ себѣ—въ «an und fur sich sein»—въ нѣчто невообразимое и немыслимое, а потому и непознаваемое. При этомъ еще изслѣдуемый имъ разумъ, ни отъ чего независимый, чистый, сила въ себѣ самой и для себя сущая, оказывается, въ сущности, какъ бы вещью въ себѣ самой, которая, т о.. оказывается вполнѣ и точно познаваемой. Невозможная, какъ наука о вещахъ въ себѣ непознаваемыхъ, метафизика и философія оказывается возможной въ то-же время. Она потому и явилась немедленно у учениковъ Канта, но оказалась безсильною и безплодною, такъ какъ и чистый разумъ кантовскій есть невообразимая и немыслимая фикція, и все, на немъ основанное, необходимо было фикціею.

Кантъ поставилъ своею задачею преобразованіе догматической метафизики и построеніе этой науки на новыхъ началахъ, при чемъ она, въ этой обработкѣ, становится, по его словамъ, «единственною теперь наукою, которая обѣщаетъ въ короткое время сдѣлаться законченною отъ небольшихъ, но соединенныхъ усилій». «Для потомства ничего не останется», увѣряетъ онъ, «какъ дидактически излагать ее сообразно съ своими цѣлями, ничего однако не измѣняя въ самомъ содержаніи» (Пред. I. X стр.). «Потомство получитъ сокровище,

которое ему уже не придется умножать: оно будетъ имѣть дѣло только съ принципами и правилами ихъ употребленія, уже заранѣе опредѣленными» (Пред. 2. XVII). Онъ сравниваетъ эту науку съ математикою и логикою, по ея законченности и точности, и въ своихъ трехъ критикахъ разума теоретическаго, разума практическаго и разума оцѣнивающаго предметы даетъ строго обработанный планъ ея, и увѣренъ, что «едва-ли есть хотя одна метафизическая проблема, которая въ нихъ не была бы разрѣшена или къ разрѣшенію которой, по крайней мѣрѣ, не было бы дано ключа». Правда, критика разума есть только введеніе въ метафизику, наука къ ней подготовительная—пропедевтика; но въ ней дано все ея содержаніе, которое остается только привести уже въ систему, чтобы построить самую метафизику. Во всякомъ случаѣ метафизика существенно остается наукою о познающемъ разумѣ или о познаніи въ его основахъ. Метафизика есть часть философіи, которая раздѣляется на чистую и опытную философію. Чистая философія слагается изъ метафизики и математики, опытная изъ естествознанія, къ которому относится и опытная психологія. Логика входитъ въ метафизику, какъ наука о разумѣ въ его a priori данныхъ законахъ. Но такъ какъ метафизика заключаетъ въ себѣ опредѣленіе основъ какъ математики, такъ и естествознанія и обнимаетъ въ себѣ все знаніе, то она составляетъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ философію. Значитъ, метафизика и философія одно и то-же: философія есть метафизика и метафизика есть философія, какъ отдѣльная самостоятельная область знанія, наука. Что же такое теперь метафизика-философія? Она «есть система или наука чистаго разума, т. е. познаніе изъ чистаго разума, приведенное въ систематическую связь» (618); «она возвышается надъ опытомъ посредствомъ чистыхъ понятій» (XVI), есть «познаніе изъ однихъ понятій» (618) «Разумъ въ ней долженъ быть собственнымъ ученикомъ» (XVI), ничего не заимствуетъ изъ опыта, установляетъ о предметахъ нѣчто прежде, нежели они будутъ даны въ опытѣ. Это совокупность знаній a priori, прежде—опытныхъ и сверхъ—опытныхъ, находящихся въ содержаніи самого разума, потому необходимыхъ, т. е. не-

преложныхъ и всеобщихъ, такъ какъ необходимо только то, что принадлежитъ одному разуму, что дано имъ самимъ, утверждаетъ Кантъ. Содержаніе науки состоитъ прежде всего въ описаніи состава разума, его силъ и дѣятельностей, его доопытнаго содержанія, съ которымъ должно сообразоваться наше знаніе о вещахъ, а не наоборотъ. «Наше представленіе о вещахъ не должно сообразоваться съ ними, какъ вещами въ себѣ, а наоборотъ, эти предметы, какъ явленія, сообразуются съ нашимъ способомъ представленія» (Пред. 2. XX) При этомъ Кантъ воображаетъ, что онъ производитъ въ знаніи вообще переворотъ, подобный перевороту, произведенному Коперникомъ въ представленіи вселенной. Вещи опредѣляются разумомъ —солнцемъ въ ихъ бытіи и свойствахъ, а не разумъ двигается около нихъ и имъ подчиняется. За описаніемъ и составленіемъ подробнаго систематическаго каталога до-опытнаго, апріорнаго въ дѣятельности и содержаніи разума, слѣдуетъ затѣмъ рядъ выводовъ относительно характера и предѣловъ знанія. Выводы эти въ общихъ чертахъ слѣдующіе: знаніе все получается изъ опыта внѣшняго, ощущенія, но всѣ основныя свойства ощущаемаго и воспринимаемаго, всѣ свойства, такъ называемыхъ, вещей и предметовъ міра, ихъ отношеніе, порядокъ и строй даются умомъ при помощи изъначала существующихъ въ немъ формъ его созерцательной способности—пространства и времени, формъ разсудка —категорій количества, качества, отношеній, модальности. Т. о., всякое явленіе даваемое въ опытѣ есть продуктъ разума; оно не бываетъ внѣ насъ, но въ насъ, его не существуетъ внѣ границъ разума и во всякомъ случаѣ производящая его сила не можетъ быть извѣстнымъ и познаннымъ въ своемъ независимомъ отъ разума бытіи, какъ вещь въ себѣ, какъ основа явленія. Разумъ какъ бы диктуетъ свои законы чувственному міру и творитъ космосъ—вселенную. Ея строй въ немъ завершается дѣятельностію ума, который строитъ изъ себя самого идеи міра, какъ цѣлаго, души и Бога. Но эти идеи опять не даютъ никакихъ предметовъ познанія, имъ соотвѣтствующихъ: они также суть формы, при помощи которыхъ приводятъ въ порядокъ безчисленные ряды сужденій и образуютъ систему.

Доказать бытіе Бога. души. міра внѣшняго, даже представить—нѣтъ никакой возможности. и всякая попытка въ этомъ родѣ приводитъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ. Въ этихъ выводахъ воспроизводится. очевидно, все содержаніе догматической метафизики—онтологія—въ ученіи о пространствѣ, времени и категоріяхъ, космологія, раціональная психологія и теологія—въ опредѣленіи значенія регулятивнаго идей міра, души и Бога. Но все это съ чисто отрицательнымъ характеромъ, съ отрицаніемъ не только возможности познать свойства предметовъ чувственнаго міра, души и Бога, но даже мыслить ихъ существующими. Все познаваемое въ нихъ—созданіе самого разума, всѣ ихъ свойства—формы его чисто субъективныя, бытіе ихъ дано только въ разумѣ. За его предѣлами отъ нихъ ровно ничего не остается, кромѣ невообразимаго нѣчто, лишеннаго всякихъ аттрибутовъ. Это нѣчто и есть вещь въ себѣ. Она, можетъ быть, существуетъ, но, по самому существу своему, абсолютно непознаваема и немыслима.

Кантовская метафизика, какъ и метафизика Юма, превращается въ отрицаніе метафизики, разрушаетъ ее безъ остатка и сама состоитъ изъ однихъ собственно отрицаній. Но Кантъ даетъ ей большое практическое значеніе, утверждая. что она «въ корнѣ уничтожаетъ матеріализмъ, безбожіе, либеральное невѣріе. фанатизмъ и суевѣріе, идеализмъ и скептицизмъ» (XXVII) и спасаетъ людей отъ безплодныхъ усилій — познать непознаваемое. Значеніе это получается путемъ насильственнаго, чисто догматическаго установленія бытія Бога и души, и бытіе немыслимыхъ вещей въ себѣ является дѣйствительнымъ такъ же, какъ и бытіе прекраснаго и цѣлесообразнаго міра. Получается не-философское требованіе вѣры въ немыслимое, непостижимое и никѣмъ не-открытое, безсмысленное credo. quia absurdum est, на основаніи законовъ разума,—чистый абсурдъ. На мѣсто разрушенной метафизики въ сущности ничего не ставится. Она должна исчезнуть безъ остатка. Попытка преемниковъ Канта постигнуть вещь въ себѣ, оставленную имъ, постигнуть на основаніи чистаго разума. возвеличеннаго имъ и подробно описаннаго, возстановить содержаніе метафизики положительное и возродить философію—

только иллюстрировали невозможность этого. Они укрѣпили мысль, что метафизика есть знаніе независимое отъ опыта, апріорное, изъ разума, знаніе о не познаваемомъ, о вещахъ въ себѣ, слѣдовательно, въ сущности невозможное. Этимъ они окончательно убили метафизику, сдѣлали ее смѣшною карикатурою на знаніе, внушили мысль о ея полной безполезности и безплодности.

V.

Къ концу XVIII в., съ двухъ противоположныхъ сторонъ—со стороны эмпиризма и со стороны идеализма, въ Англіи и Германіи, уничтожена была метафизика, какъ наука объ основахъ сущаго—Богѣ, душѣ, міровомъ порядкѣ. Эти основы были признаны абсолютно непознаваемыми, навсегда сокрытыми отъ человѣка, вещами въ себѣ и для себя, и наука ихъ изслѣдовавшая оказалась наукою о непознаваемомъ, знаніемъ о томъ, чего знать нельзя, т. е. чистымъ абсурдомъ. Мотивъ признанія метафизическихъ предметовъ непознаваемыми съ той и другой стороны былъ, въ сущности, одинъ и тотъ же—недоступность ихъ воспріятію какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, или, вообще, опыту, изъ котораго получается несомнѣнно все человѣческое знаніе. Эмпиризмъ, въ лицѣ Юма, утверждалъ, что предметы метафизики—міръ, какъ цѣлое, Богъ и душа, безсмертная и свободная—не аффицируютъ и не могутъ аффицировать ни внѣшняго, ни внутренняго нашего чувства, а потому не могутъ составить реальнаго содержанія идей, изъ сочетанія и обработки которыхъ состоитъ умственная дѣятельность и самый умъ человѣческій,—разумъ. Самое существованіе этихъ идей въ духѣ человѣческомъ есть нѣчто временное и случайное. Они представляютъ результатъ дѣятельности фантазіи и дурныхъ навыковъ человѣческой мысли, которыми только тормозится правильное развитіе знанія, его сосредоточеніе на явленіяхъ, которыя одни только и доступны знанію Потому самый вопросъ о дѣйствительномъ бытіи реальномъ предметовъ, представляемыхъ въ этихъ фантастическихъ идеяхъ, въ сущности, вопросъ нелѣпый и невозможный, при правильномъ пониманіи содержанія, задачъ и средствъ познавательной дѣятельности человѣка. Идеализмъ,

который, въ отличіе отъ эмпиризма, производившаго умъ самый изъ опыта, признаетъ за умомъ свое, ему одному принадлежащее содержаніе, существующее въ немъ прежде всякаго опыта и дѣлающее самый опытъ возможнымъ и вообще способнымъ давать знаніе,—идеализмъ. въ лицѣ Канта. призналъ это содержаніе ума состоящимъ изъ однихъ, такъ называемыхъ, апріорныхъ или чистыхъ формъ, содержаніе которыхъ тоже цѣликомъ заимствуется изъ опыта воспріятія и только приводится при помощи этихъ чисто субъективныхъ формъ въ тотъ порядокъ, какой созерцается въ мірѣ и какого въ немъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Идеи Бога, души, космоса признаются, правда, необходимыми и данными въ умѣ изначала. по самой его природѣ, но они, при этомъ, оказываются только тоже формами, чисто субъективными, началами или принципами систематизаціи знанія, а не принципами знанія. Формы эти, такимъ образомъ, по самой своей природѣ лишены всякаго представимаго и мыслимаго содержанія и не могутъ свидѣтельствовать о бытіи имъ соотвѣтствующихъ реальностей. Потому всякая попытка доказать бытіе Бога, души, міра-космоса ведетъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ и навсегда безнадежна и безплодна. Кантъ, правда, призналъ реальное бытіе этихъ предметовъ, недоступныхъ уму, немыслимыхъ и непознаваемыхъ, но это признаніе было чисто искусственнымъ и насильственнымъ построеніемъ, которымъ вызванъ рядъ фантастическихъ системъ философіи, стремившихся познать сущность этихъ предметовъ, воспринять ихъ непосредственно при помощи превращенія самаго разума въ основу міроваго процесса. прямо и непосредственно имъ созерцаемаго въ себѣ самомъ, въ своемъ чистомъ бытіи. Системы эти, произведшія бурное и богатое послѣдствіями въ разныхъ направленіяхъ движеніе въ Германіи и во всей Европѣ, быстро пали, въ силу лежащаго въ самой ихъ основѣ противорѣчія, въ силу ихъ затѣмъ фантастичности, искусственности и пустоты содержанія. Въ этомъ своемъ паденіи они сдѣлались какъ бы наглядным доказательствомъ того, что метафизика, дѣйствительно невозможна. что Богъ, душа и космосъ не познаваемы. И чѣмъ могучѣе,

геніальнѣе были люди, пытавшіеся, на началахъ, отрицающихъ метафизику, все знаніе объ реальныхъ основахъ сущаго, возстановить ее во всемъ величіи, т. е. съ ихъ собственной точки зрѣнія, — познать то, что признано было непознаваемымъ, тѣмъ убѣдительнѣе для мыслящаго общества второй четверти текущаго столѣтія былъ этотъ блистательный опытъ, тѣмъ яснѣе и общепонятнѣе дѣлалъ онъ мысль Юма и Канта, что метафизика невозможна. Уже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія мысль эта, можно сказать, была господствующею и, во всякомъ случаѣ, весьма распространенною во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Метафизика осталась въ школѣ или въ формѣ, данной ей Вольфомъ, или нѣсколько подновленною и передѣланною, на основаніи идей Канта и другихъ философовъ, но духъ жизни улетѣлъ изъ нея, она никого не вдохновляла и не могла вдохновить, въ виду навязывавшейся, при одномъ ея представленіи, мысли, что всякія усилія здѣсь безнадежны и безплодны.

Но вмѣстѣ съ метафизикою была убита и философія: уничтожая эту существенную часть философіи, философствовавшая мысль нанесла страшный ударъ философіи, лишила ее опредѣленнаго предмета и возможности самостоятельнаго существованія среди другихъ наукъ. Она какъ бы отрубила философіи голову, оставивъ безжизненный трупъ, скоро разложившійся на свои составныя части, образовавъ на мѣстѣ философіи пустоту или вообще не оставивъ ничего, что-бы стоило не только названія царицы наукъ, но даже названія науки. Этотъ процессъ разложенія философіи начался впрочемъ ранѣе и усилился только въ описываемый періодъ, продолжающійся и доселѣ. Область и сфера ея, съ этой точки зрѣнія, начала съуживаться путемъ выдѣленія того, что почиталось ея частію, въ отдѣльную область знанія. Такъ, изъ нея выпала физіологія, послѣ Гарвея и Галлера, уже въ началѣ XVIII в., примкнувъ къ медицинѣ съ ея жизненно-практическими и не-философскими тенденціями, вытекающими изъ самаго существа медицины; сюда же примкнула сначала естественная исторія животныхъ и растеній и другія науки. Выдѣлилась затѣмъ изъ философіи наука о правѣ, опять подъ вліяніемъ практическихъ тенденцій, и

увлекла за собою политику, которая подъ новымъ именемъ, соціологіи, въ связи съ статистикою, политическою экономіею, исторіею и философіею права постепенно превратилась въ чисто эмпирическую науку о жизни человѣческаго общества, стараясь изгнать изъ себя все, что оставалось здѣсь изъ метафизики. Физика—въ тѣсномъ смыслѣ науки о движеніи—дольше другихъ наукъ о мірѣ физическихъ явленій держалась въ связи съ философіею; но и она окончательно отдѣлилась отъ нея, усиленная вновь образовавшеюся химіею и уже широко развившеюся астрономіею, которая составляетъ, по самому существу, естественную часть физики или, ближе, механики,—усиленная геологіею, которая тоже явилась недавно и отняла у философіи ученіе о происхожденіи и образованіи физической вселенной, занимавшее, какъ извѣстно, очень видное мѣсто въ прежнихъ системахъ философіи, сдѣлавъ вопросъ этотъ предметомъ чисто опытныхъ изслѣдованій о составѣ и происхожденіи земли, всей нашей планетной системы и вообще всей физической вселенной. Рядомъ съ философіею образовалась, такимъ образомъ, постепенно могучая, широко развѣтвленная система наукъ, получившая общее имя наукъ о природѣ, или естествознанія. Окрѣпнувши и безъ участія философіи, естествознаніе стало въ открытый антагонизмъ съ нею и какъ-бы издѣвалось надъ ея положеніями о невозможности знанія внѣшняго и его силъ и субъективности знанія, дѣлая одно за другимъ открытія неизвѣстныхъ прежде дѣятелей и отдавая во власть человѣка могучія силы природы. Философія, оттолкнутая естествознаніемъ, примкнула къ наукамъ антропологическимъ или филологическимъ, и пріютилась около нихъ въ самой школѣ При этомъ у нея въ вѣдѣніи остались уже только логика, ученіе о нравственности, или нравственная философія, психологія и метафизика. Но логика постепенно превратилась въ науку о методахъ изслѣдованія и знанія и сдѣлалась пропедевтикою всѣхъ наукъ; ее стали разработывать естествоиспытатели и математики, и когда философы, вслѣдъ за Кантомъ, признали ее наукою законченною, естествоиспытатели Ньютонъ, Гершель и другіе подвинули ее далеко впередъ и расширили значительно ея предѣлы. И

логика стала превращаться въ эмпирическую, особую область знанія, въ науку о наукѣ, стала примыкать скорѣе къ естествознанію и вообще сферѣ опытнаго знанія, порывая почти вовсе связь съ философіей, для которой она имѣетъ ровно столько же значенія, сколько для всякаго другаго знанія Дѣло дошло до того, что въ логикахъ перестали и поминать о философіи, о философскомъ методѣ и т. п. Къ ней примкнула затѣмъ вновь образовавшаяся наука,—теорія знанія и науки. Еще раньше логики обособилась психологія субъективная, въ формѣ чисто эмпирической науки о душевныхъ явленіяхъ, и затѣмъ постепенно развилась въ цѣлую, особую систему наукъ о душѣ, опять въ живой связи съ естествознаніемъ, и тоже почти перестала мыслить себя наукою философскою. Она стала основою для всѣхъ наукъ гуманныхъ и связующимъ звеномъ между естествознаніемъ и антропологіею. или, ближе, науками о явленіяхъ духа человѣческаго въ исторіи, явленіяхъ культуры. Наконецъ, и нравственная философія, въ которую Кантъ пытался перенести центръ тяжести всей философіи и философствованія, отдѣлилась отъ философіи, превратившись въ особую науку о нравственности, которая опирается не на метафизическихъ-философскихъ началахъ, а на простомъ наблюденіи явленій нравственной жизни человѣка съ субъективной стороны—въ мотивахъ, и съ объективной—въ дѣйствіяхъ. Мало по-малу отъ философіи, т. о, осталась одна метафизика, но разбитая, осмѣянная, сведенная къ абсурду и уже исключенная изъ сферы наукъ, т е., въ концѣ концовъ, отъ философіи дѣйствительно не осталось ровно ничего.

Въ этомъ положеніи философія остается собственно и теперь, въ настоящее время, хотя уже началось и ея возрожденіе, имѣющее опору въ распространяющемся все болѣе и болѣе убѣжденіи, что ученіе о полной непознаваемости метафизическихъ предметовъ было естественною, правда, необходимою въ свое время, но все-таки ошибкою; что нужно было не уничтожать метафизику и съ нею философію, а перестроить ее на новыхъ началахъ, поставить въ гармонію со всѣмъ остальнымъ знаніемъ, измѣнившимся и въ объемѣ и

содержаніи и качествѣ своемъ. Можно сказать съ увѣренностію, что это возрожденіе философіи-метафизики есть только вопросъ времени. тѣмъ болѣе. что съ паденіемъ и уничтоженіемъ философіи-метафизики и въ знаніи и въ жизни образовалась пустота, требующая настоятельно своего восполненія и вредно отраажющаяся на общемъ строѣ интеллектуальной и нравственной жизни культурнаго общества. Наука эмпирическая, устранивши метафизику, распалась на отдѣльныя отрасли, потеряла единство и сознаніе общей цѣли, погрузившись въ преслѣдованіе частныхъ практическихъ цѣлей; высшая школа распалась на коллегіи и ремесленныя, собственно, учрежденія ученаго характера. Знаніе лишилось способности давать міросозерцаніе человѣку и осмысливать свою жизнь, высшія стороны и стремленія человѣческаго духа остались безъ научной поддержки, безъ пищи; при этомъ и религіозная вѣра, лишившись опоры и поддержки знанія, поколебалась: образованный человѣкъ, узнавши все существенное изъ содержанія наукъ, не выучивается думать о высокихъ предметахъ, не выноситъ навыка къ этому и оказывается безсильнымъ и безпомощнымъ сохранить въ себѣ сокровище вѣры въ высшій порядокъ міра, въ смыслъ жизни, при самомъ искреннемъ и горячемъ къ этому стремленіи. Тщетно представители религіи стараются восполнить пустоту, оставленную паденіемъ метафизики, соединяя изложеніе религіознаго ученія съ метафизическими умозрѣніями, изъ чего образовалась особая наука—основное Богословіе и апологія религіи. весь строй наукъ и образованія, безъ философіи, все объединяющей и осмысливающей въ знаніи и жизни, заглушаетъ въ самомъ зародышѣ бросаемое богословіемъ сѣмя. Апологія религіи при этихъ условіяхъ становится скорѣе вредною, чѣмъ полезною, популяризируя и распространяя отрицательные взгляды на религію.

Лишенное поддержки во всемъ строѣ наукъ, который есть собственно разстройство и анархія,—не руководимое особою наукою о Богѣ, духѣ и мірѣ. общество цивилизованное создаетъ свою метафизику и необходимо самую легкую, низкой научной пробы. Оно не можетъ не думать о метафизическихъ

предметахъ и вопросахъ, но думаетъ о нихъ плохо безъ помощи науки.

Мы видѣли, какимъ образомъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ метафизики, какъ науки объ основахъ всего сущаго, — прекратила свое существованіе и философія, какъ особая область знанія опредѣленнаго, ей одной присущаго предмета, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякаго опредѣленнаго содержанія. Самое понятіе о философіи стало въ высшей степени смутнымъ и неопредѣленнымъ. Всего чаще она и въ Германіи, какъ ранѣе еще въ Англіи, стала отождествляться съ логикою, психологіею и наукою о нравственности, или поведеніи человѣка, т. е. съ эмпирическими, спеціальными науками, — науками о духѣ; но этимъ самымъ философія превращается въ общій терминъ для обозначенія одной группы наукъ, параллельный терминамъ: физика, математика, медицина, юриспруденція, филологія и т. п. и существуетъ, слѣдовательно, только по имени, обозначая особенности одной группы наукъ въ отличіе отъ другихъ группъ. Между тѣмъ филологически и исторически съ философіею соединяется мысль не только объ особой области знанія, — высшаго, чѣмъ всякое эмпирическое, но о знаніи всеобъемлющемъ, составляющемъ и вершину и основу всего человѣческаго знанія. Философія потому, или есть область знанія всеобъемлющаго, или ея нѣтъ, самый терминъ подлежитъ изъятію изъ употребленія, или по крайней мѣрѣ долженъ означать что-нибудь иное и, во вся комъ случаѣ, не одну группу спеціальныхъ наукъ. Правда, въ логикѣ, психологіи и морали затрогиваются необходимо, и рѣшаются въ общихъ чертахъ вопросы о природѣ знанія, о Богѣ, душѣ, объ идеалѣ жизни человѣческой,—вопросы всегда считавшіеся философскими и входившіе въ нее черезъ метафизику: но въ нихъ рѣшается множество другихъ, чисто частныхъ и спеціальныхъ вопросовъ, изъ рѣшенія которыхъ слагается ихъ главное и существенное содержаніе, и, во всякомъ случаѣ, на указанномъ основаніи, они могутъ быть признаны науками болѣе близкими къ философіи, чѣмъ всѣ другія, могутъ называться, пожалуй, философскими. Философіи во всемъ ея объемѣ они замѣнить не могутъ сами по себѣ и отождествленіе философіи съ ними

есть косвенное признаніе ея отсутствія, прекращеніе ея существованія. Присоединеніемъ къ этимъ наукамъ метафизики въ старой и, дѣйствительно, отжившей уже формѣ, или съ измѣненіями въ духѣ Канта и Юма, отрицавшими самую идею метафизики, этимъ присоединеніемъ, трактовавшимся, впрочемъ, только въ школьныхъ программахъ, положеніе философіи нисколько не улучшилось, а скорѣе еще ухудшилось, потому что она вовсе не подходила ни по направленію, ни по формѣ, ни по содержанію къ переработаннымъ заново—логикѣ, психологіи и морали: она была для нихъ ненужною прибавкою лишнимъ бременемъ. Смутность понятія философіи дошла до того, что къ ней причислили педагогику, чисто практическую, спеціальную дисциплину, потому только, что она близко связана съ психологіею и моралью, также теорію изящныхъ искусствъ. Соглашаясь съ положеніемъ, что наука объ основахъ, какъ вещахъ въ себѣ, быть не можетъ и что философія не есть наука объ основахъ, не есть метафизика, многіе философы ex professio не умѣли сами ясно отвѣтить на вопросъ, что такое философія, и какой у кея предметъ, и сами нерѣдко относились къ ней съ недовѣріемъ и даже насмѣшкою. Понятно, какимъ образомъ общество образованное пришло къ взгляду, что не только метафизика, но и философія вообще есть нѣчто невозможное, туманное и непонятное, и помѣщали въ ея вѣдѣніе все нелѣпое въ сферѣ мышленія, непонятное и фантастическое.

Такое положеніе философіи, равняющееся ея полному отсутствію, какъ отдѣльной науки и особой области знанія, скоро нашло свое толкованіе и признано вполнѣ законнымъ въ особомъ взглядѣ на философію, въ особомъ о ней понятіи,—именно, что она была историческимъ фактомъ и есть историческая отжившая форма знанія, не могущая возродиться, такъ какъ она возможна только при незначительномъ количествѣ его, когда оно можетъ быть все обнято и усвоено однимъ талантливымъ человѣкомъ. Философія имѣла въ свое время огромное значеніе, сосредоточивая въ себѣ все знаніе, группируя его въ одно цѣлое и направляя въ данное время. Она была матерью всѣхъ наукъ, потому что изъ нея и подъ ея

вліяніемъ развилась та могучая система наукъ, которая составляетъ гордость и величіе нашего времени. Но породивши и воспитавши такихъ прекрасныхъ дѣтей, сама она отжила свой вѣкъ, перешла въ нихъ цѣликомъ, слилась съ ними и прекратила индивидуальное бытіе навсегда. Остается теперь изучить только ея біографію, ея жизнь и труды въ прошломъ, безъ надежды оживить ее саму. Ея мѣсто занято и—навсегда—системою эмпирическихъ наукъ; отсюда положеніе, что философія какъ наука, какъ отдѣльная область знанія, есть только исторія философіи,—положеніе, имѣющее доселѣ весьма многихъ защитниковъ. При этомъ, нѣкоторые, признавая сущностью философіи построеніе системы міра дѣятельностью фантазіи и считая опыты такого построенія необходимыми и даже полезными, хотя и ненаучными, прибавляютъ, что человѣчество будетъ поставлять постоянно матеріалъ для этой исторіи, творчески построяя системы міра, и философія, какъ исторія, никогда не устарѣетъ, но также никогда не будетъ имѣть прямого отношенія къ современной жизни данной эпохи, никогда не будетъ и быть не можетъ особою наукою. Другіе порѣшили, что философія не есть даже знаніе, а только стремленіе къ всеобъемлющему знанію, къ идеалу знанія, что потому она вездѣ и нигдѣ, и всякій человѣкъ есть философъ, насколько онъ имѣетъ всегда такое или другое, хотя бы самое нелѣпое міросозерцаніе. Она есть дѣло личное и не можетъ никогда превратиться во что-нибудь похожее на науку: всегда потому, будетъ множество философій, и не будетъ философіи.

Мы видѣли, къ какимъ печальнымъ результатамъ теоретическимъ и практическимъ повелъ этотъ отказъ науки руководить общество въ вопросахъ самыхъ жизненныхъ и неотразимыхъ —о Богѣ, душѣ, цѣли жизни. Общество брошено было въ объятія матеріализма, и господство этой безотрадной и грубой доктрины, удобопонятной для самаго ограниченнаго человѣка и въ высшей степени удобной и пріятной есть прямое слѣдствіе упадка философской мысли и устраненія, философіи изъ сферы наукъ. Наука распалась на отдѣльныя спеціальныя отрасли и лишилась единства, связующаго начала и единой высшей цѣли своего существованія и развитія. Такое положеніе не мо-

гло быть продолжительнымъ. Явилась естественно потребность имѣть на мѣстѣ философіи что-нибудь ее замѣняющее, восполняющее образовавшуюся пустоту въ жизни и сферѣ знанія. Въ виду этой потребности явились въ Германіи и во Франціи попытки возстановить философію путемъ объединенія всего лучшаго въ философіи догматической, критической и въ германской — послѣкантовскаго идеализма — въ одно цѣлое. Лучшія изъ этихъ попытокъ во Франціи- система Кузана, въ Германіи– система такъ называемаго реаль-идеализма, основанная Шлейермахеромъ и представляемая въ настоящее время философомъ Ульрици. Но этотъ наборъ—изъ схоластики, Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля, Шеллинга, не опирающійся прочно на какомъ-нибудь одномъ началѣ, или же прямо опирающійся на одной изъ прежнихъ философскихъ системъ,—у Ульрици, напримѣръ, на монадологіи Лейбница, въ переработкѣ ея, сдѣланной Гербартомъ,—этотъ философскій винигретъ сразу оказался лишеннымъ жизненной силы и осужденъ былъ на смерть при самомъ рожденіи.

За философскимъ эклектизмомъ, только освѣтившимъ довольно ярко развалины и какъ-бы кладбище философіи съ немногими цѣнными остатками отъ нея, изъ которыхъ оказалось невозможнымъ составить одно живое цѣлое,—въ Германіи явилась послѣ попытка возстановить философію, выходя изъ началъ критики Канта, и фраза nach Kant zurückehren—сдѣлалась лозунгомъ цѣлой школы, въ настоящее время весьма распространенной въ Германіи. Эта школа отождествляетъ философію съ наукою о знаніи—Erkenntnisslehre, Erkenntnisstheorie и, изслѣдуя знаніе всесторонне въ его составѣ, процессъ образованія и развитія, ставитъ и рѣшаетъ всѣ философскіе вопросы или, точнѣе, метафизическіе вопросы—о матеріи, о духѣ, о Богѣ, цѣляхъ міра и т. п., создавая такимъ образомъ цѣлую систему взглядовъ на міръ,—міросозерцаніе Но приходя къ отрицательнымъ выводамъ по отношенію къ метафизическимъ вопросамъ въ духѣ Канта, какъ это оказывается у большинства неокантіанцевъ,—система эта подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ, какія сдѣланы противъ Канта: она состоитъ неизбѣжно изъ однихъ отрицаній и есть,

въ сущности, сплошное доказательство невозможности философіи. Когда же, путемъ изслѣдованія знанія, приходятъ къ положительному рѣшенію или даже только намѣреваются придти къ такому рѣшенію,—въ такомъ случаѣ философія получаетъ прямо опредѣленный предметъ—изслѣдованіе и знаніе основъ міра, возстановляетъ метафизику,—и ея отождествленіе съ наукою, знаніемъ теряетъ всякій смыслъ. Это потому, что необходимость отождествлять философію съ теоріею знанія и вытекаетъ изъ отсутствія у ней предмета, когда признано за несомнѣнное, что основы, какъ вещи въ себѣ, непознаваемы. Въ концѣ концовъ, все это направленіе пока создаетъ только суррогатъ философіи, подавая алчущему обществу простой фантомъ, призракъ, неуловимый и состощій изъ отрицаній. Значеніе всего этого движенія въ Германіи состоитъ въ томъ, что природа знанія, такъ или иначе, подверглась вновь изслѣдованію, а это можетъ и должно повести къ пересмотру выводовъ Канта и Юма относительно непознаваемости основъ и невозможности метафизики, а съ нею и философіи. Такъ какъ и теперь уже ошибочность ихъ для многихъ очевидна, то остается исправить ошибку и смѣло приняться за возстановленіе метафизики на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ неокантіанство служитъ началомъ поворота философскаго мышленія отъ отрицанія къ положительному, началомъ ея возрожденія, или, точнѣе, возрожденія метафизики.

Еще болѣе значенія имѣютъ для возрожденія философіи-метафизики блистательная попытка француза Конта создать новую философію съ положительнымъ содержаніемъ на совершенно новыхъ началахъ, на какихъ она никогда еще не строилась. Явилась система такъ называемой позитивной философіи, философіи истинно новой, хотя философіи еще только въ зародышѣ. Главная ошибка, которая допускается при оцѣнкѣ основной идеи Конта и содержанія самой философіи позитивной состоитъ въ томъ, что она представляется чѣмъ-то законченнымъ, а не первымъ только шагомъ, за которымъ съ логическою, неотразимою необходимостію должны слѣдовать другіе и притомъ въ направленіи, какого всего менѣе ожидаютъ многіе позитивисты, не понимающіе сущности доктрины ими сами-

ми проповѣдуемой.—въ направленіи возстановленія метафизическихъ изслѣдованій о Богѣ, духѣ, цѣляхъ міра. Правда, система позитивной философіи прямо примыкаетъ къ направленію Юма и Канта, беретъ результаты ихъ критики какъ нѣчто неподлежащее никакому сомнѣнію, прямо отрицая всякую возможность метафизики, возможность даже постановки вопросовъ объ основахъ. Она признаетъ всякое ученіе о Богѣ, душѣ и т. п. утверждающее ихъ бытіе или отрицающее,—пустою фантазіею, безпочвеннымъ и не имѣющимъ никакой опоры, просто не научнымъ, противнымъ наукѣ; прямо запрещаетъ заниматься этими вопросами. При этомъ все содержаніе философіи мыслится состоящимъ изъ систематическаго свода и построенія въ одно органическое цѣлое—истинъ эмпирическихъ, фактическихъ знаній о явленіяхъ міра и ихъ законахъ: знаніе въ ней должно образовать одно цѣлое, удобно обнимаемое и дающее человѣку то, что называется міросозерцаніемъ, и вполнѣ замѣняющее прежнюю философію, опиравшуюся на умозрѣніи и творчествѣ безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Хотя вслѣдствіе слабаго еще развитія наукъ о духѣ, сравнительно съ науками о веществѣ,—позитивная философія сразу, при своемъ осуществленіи, получила оттѣнокъ матеріалистическій; но, въ сущности, она чужда матеріализма, также какъ и спиритуализма и стремится быть нейтральною по отношенію къ вопросамъ, составляющимъ сущность той и другой доктрины; хочетъ быть организованнымъ итогомъ всего, что точно и несомнѣнно извѣстно о мірѣ и человѣкѣ, ничего не прибавляя и не убавляя, ничего не предполагая. Этимъ она создаетъ прочную фактическую основу для философствованія, опираясь на которую, философія можетъ навсегда освободиться отъ произвола мысли и стать научною, наукою въ собственномъ и точномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, обзоръ и сводъ всѣхъ положительныхъ, точныхъ знаній, обработанный систематически и вполнѣ безъ предвзятій мысли, долженъ навсегда остаться частью философіи, ея прочнымъ фундаментомъ. Попытки такой систематической обработки у самого Конта—въ его «Cours de la philosophie positive» — и особенно у Спенсера—въ его системѣ синтетической философіи,- не смотря на ихъ край-

ности, ошибки, односторонность и всякіе другіе недостатки,— эти попытки составляютъ положительный вкладъ въ философію. обрабатываютъ первый отдѣлъ ея, кладутъ ея краеугольный камень. Затѣмъ сами собою должны возникнуть и другіе отдѣлы зданія философіи съ возрожденною, обновленною во всѣхъ своихъ частяхъ и сторонахъ метафизикою, т. е. ученіемъ о Богѣ, душѣ и цѣляхъ бытія, на своей вершинѣ. Сама по себѣ позитивная философія не есть особая область знанія и не замѣняетъ философію; но она есть превосходное начало ея, первая часть, за которою съ необходимостію слѣдуетъ метафизика, которая сдѣлаетъ ее законченною и самостоятельною.

VI.

Начало возрожденія философіи въ Германіи выразилось усиленною разработкою теоріи знанія, превратившейся въ особую науку—Wissenschaftlehre, Erkenntnisslehre, Erkenntnisstеorie. Наука эта сначала мыслилась какъ замѣна старой метафизики въ духѣ и на началахъ Канта, къ которому возвратилась философская мысль послѣ паденія нѣсколькихъ идеалистическихъ и эклектическихъ системъ; но необходимо перешла въ критику кантовской критики и теоріи познанія, а затѣмъ въ попыткахъ построенія новой теоріи познанія, на основаніи накопившихся въ теченіе почти цѣлаго столѣтія новыхъ данныхъ въ области логики и психологическихъ изслѣдованій познавательнаго процесса. Во Франціи и Англіи философія возрождается въ формѣ особой системы позитивной философіи. Будучи систематическимъ сводомъ въ одно органическое цѣлое всѣхъ точныхъ данныхъ относительно вселенной, добытыхъ всѣми науками эмпирическими, съ математикою во главѣ, эта новая философія возстановляетъ прежде всего единство знанія, потерянное имъ съ устраненіемъ метафизики. Этимъ она полагаетъ начало философствованію научному, опирающемуся на несомнѣнномъ и дѣйствительно познанномъ, притомъ не однимъ человѣкомъ, а всѣмъ человѣчествомъ, создаетъ прочную основу философіи и совершенно новую еще небывалую часть ея—систематическій обзоръ

всего человѣческаго знанія въ данный историческій моментъ его. Во всякомъ случаѣ позитивная философія, съ этой стороны разсматриваемая, утверждаетъ и вводитъ въ общее сознаніе несомнѣнно вѣрное и новое положеніе, что безъ предварительнаго обзора и свода всего знанія отнынѣ философія невозможна, и даетъ опыты такого обзора и свода. Съ другой стороны, въ извѣстномъ законѣ трехъ фазисовъ знанія, которое въ цѣломъ и своихъ частяхъ—спеціальныхъ наукахъ было сначала теологическимъ, затѣмъ метафизическимъ и стало теперь позитивнымъ, опирающемся на опытѣ или—точнѣе на несомнѣнномъ фактѣ,—въ этомъ законѣ позитивная философія установляетъ вѣрный въ основѣ взглядъ на старую метафизику, какъ пережитую навсегда форму знанія, сущность которой состоитъ въ объясненіи явленій міра изъ абстрактныхъ, творчески образованныхъ понятій, признанныхъ за реальности. Старая схоластическая метафизика, т. о., оказалась неправильнымъ, фальшивымъ методомъ, способомъ познанія. Ея ненаучность, ошибочность, вообще, несостоятельность, обрекающая ее на неизбѣжную гибель—рано или поздно,—состоитъ не въ томъ, что она искала основъ всего сущаго и стремилась все объяснить изъ нихъ, а въ томъ, что она не такъ искала этихъ основъ, открывала ихъ не единственно доступнымъ для человѣка путемъ опыта, а дѣятельностію фантазіи,—дѣятельностію, которая произвольно отождествлена была съ непосредственнымъ созерцаніемъ истинно сущаго умомъ познающимъ, названа неправильно умозрѣніемъ, тогда какъ она была просто фантазированіемъ. Primum peccatum ея было признаніе, произвольное и безъ всякаго дѣйствительнаго доказательства, за реальности фикцій, созданій воображенія. Фиктивность нѣкоторыхъ изъ этихъ реальностей старой метафизики уже теперь очевидна и не подлежитъ сомнѣнію,—напримѣръ, боязнь пустоты, стремленіе къ совершенству, выражающееся въ круговомъ движеніи планетъ, жизненная сила, какъ особое начало, противоположная и враждебная ей сила смертоносная, четыре стихіи, стремленіе огня вверхъ и помѣщеніе огненныхъ, свѣтящихся тѣлъ на периферіи, и т. п. Если это не очевидно относительно другихъ продуктовъ ста-

ро-метафизическаго умозрѣнія или фантазированія,—наприм., относительно души, какъ особой субстанціи, входящей въ тѣло въ опредѣленный моментъ и обладающей потенціями—силами, относительно Божества, міра ангельскаго и т. п.: то, во всякомъ случаѣ, какъ не опирающіяся на дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ, построенныя дѣятельностію фантазіи главнымъ образомъ—и эти реальности одной природы съ фикціями, тѣмъ болѣе, что въ подробностяхъ ихъ изображенія много прямо и очевидно фиктивнаго и произвольнаго. Можетъ быть, и весьма вѣроятно,—въ виду ихъ необходимаго явленія у человѣка,—они дѣйствительно существуютъ и приблизительно, такъ существуютъ, какъ изображается въ старой метафизикѣ; но это не доказано и не можетъ быть доказано тѣми пріемами и способами, какими они получались и доказывались. Тѣмъ путемъ, какимъ они познавались—quasi въ старой метафизикѣ, они не познаваемы. И хотя Контъ и его ближайшіе ученики—Литре во Франціи и Милль въ Англіи, прямо признаютъ эти реальности вообще непознаваемыми, опираясь собственно на аргументахъ Канта и Юма; но изъ принциповъ позитивизма, изъ его взгляда на метафизику, какъ ошибочный методъ, никакъ этого не слѣдуетъ. Напротивъ, изъ него слѣдуетъ прямо только требованіе замѣны старыхъ пріемовъ полученія и изученія этихъ реальностей, даже необходимость опытовъ такой замѣны, опытовъ изслѣдованія основъ новымъ путемъ строго научнымъ съ новыми средствами, даваемыми новою наукою. Другими словами, изъ принциповъ позитивизма слѣдуетъ не уничтоженіе метафизики—науки объ основахъ и первыхъ причинахъ, а образованіе другой, новой метафизики, метафизики научной, или позитивной, точно такъ же какъ изъ несовершенства и фантастичности всѣхъ теологическихъ толкованій жизни міра не слѣдуетъ уничтоженіе религіи, а только замѣна религіи, основанной на вѣрѣ и Откровеніи, религіею, основанною на фактахъ, религіею научною, позитивною. Самъ Контъ сознавалъ, хотя можетъ быть и не вполнѣ ясно, необходимость, именно такихъ выводовъ изъ своихъ основныхъ положеній. По отношенію къ религіи онъ прямо заявилъ это въ своей позитив-

ной политикѣ, издавши знаменитую позитивную религію, которая имѣетъ много исповѣдниковъ во Франціи и Англіи Правда, религія эта съ культомъ безконечному пространству, землѣ и человѣчеству особенно, съ культомъ идеальной женщинѣ, съ первосвященникомъ человѣчества, съ обрядами презентаціи (—родъ крещенія) и дестинаціи (—родъ присяги), съ особыми святцами, въ которыхъ каждый день года посвящается одному изъ великихъ людей, есть нѣчто комическое въ высшей степени и носитъ на себѣ слѣды болѣзненнаго разстройства своего творца, только что освободившагося отъ припадка остраго помѣшательства. Но основная мысль ея логически слѣдуетъ изъ самой сущности позитивной философіи, которая требуетъ замѣны фиктивнаго чѣмъ-нибудь дѣйствительно реальнымъ. Относительно замѣны метафизики старой новою, позитивною метафизикою Контъ не высказалъ ничего опредѣленнаго, раздѣляя еще, какъ мы уже сказали, господствовавшее тогда мнѣніе о полной непознаваемости основъ. Милль держится того же воззрѣнія, развивая его съ большою подробностію. Но уже Льюисъ,—другой видный представитель позитивизма въ Англіи.—прямо говоритъ о научной метафизикѣ, о метафизическомъ въ самой опытной наукѣ, понимая подъ метафизикою и метафизическимъ совокупность основанныхъ на опытѣ умозрѣній или сверхъ-чувственныхъ представленій, скрытыхъ за явленіями дѣятелей. Старую метафизику, въ отличіе отъ новой метафизики, положительной, онъ предлагаетъ называть метемпирикою и ея методъ—метемпирическимъ. Спенсеръ, осуществляющій теперь грандіозную попытку построенія точнаго знанія въ одно цѣлое, по идеѣ Конта, идетъ еще далѣе, ставя во главѣ своей системы особую науку объ основныхъ началахъ. Хотя подъ основными началами здѣсь разумѣются всеобщіе законы и понятія, имѣющія одинаковую силу и значеніе для всего сущаго и познаваемаго, и спенсеровская наука объ основныхъ началахъ есть то, что Бэконъ называетъ первою философіею,—тѣмъ не менѣе это все-таки нѣчто на мѣстѣ старой метафизики, а не пустое мѣсто и собраніе отрицаній. Это все-таки шагъ позитивизма въ глубину бытія, къ его дѣйствительнымъ

основамъ. приближеніе къ дѣйствительной метафизикѣ и философіи. И въ принципахъ позитивной философіи, взятой въ чистомъ видѣ—безъ осложненій предвзятыми взглядами школы Юма и Канта, -нѣтъ никакого препятствія къ дальнѣйшему движенію, — къ открытію на почвѣ опыта и опытнаго изслѣдованія—субстанціальной души, Бога и міра духовнаго. Вотъ почему весьма многіе изъ позитивистовъ, особенно прямыхъ послѣдователей Конта, исповѣдующихъ его позитивную религію, легко становятся спиритами. Вотъ почему люди положительной науки, выходя изъ основоположеній позитивизма, не видятъ ничего нелѣпаго въ ученіи о существованіи міра разумныхъ существъ, недоступныхъ прямо чувствамъ, и въ опытахъ войти съ этимъ міромъ въ прямое общеніе. Мало того, на спиритизмъ можно смотрѣть какъ на грубую попытку основанія позитивной метафизики, параллельную позитивной религіи Конта. Кромѣ того, въ позитивной философіи установляется новый совершенно, болѣе широкій взглядъ на самый процессъ знанія (взглядъ, которымъ всѣ разсужденія объ опредѣленныхъ границахъ знанія и т. п. колеблются въ самой основѣ и прямо открываютъ самыя глубины метафизическаго). Знаніе, особенно же знаніе фисолофское, или философія, представлялись дѣломъ индивидуума, отдѣльно мыслящей личности. Вслѣдствіе этого при вопросѣ о средствахъ познавательныхъ — ума и предѣлахъ знанія человѣческаго— имѣлся въ виду умъ, какъ онъ данъ и дѣйствуетъ у отдѣльнаго лица, съ тѣми ограниченными средствами, какія существуютъ въ орудіяхъ опыта и познавательныхъ процессахъ ума единичнаго. Позитивизмъ видитъ въ знаніи—дѣло общества, дѣло рода человѣческаго, продуктъ преимущественно кооперації, совмѣстной дѣятельности индивидуальныхъ умовъ не только даннаго времени, но и временъ прошедшихъ. Съ этой точки зрѣнія силы ума человѣческаго и средстсва познанія получаютъ совсѣмъ другой видъ, и онѣ не могутъ измѣряться тою мѣркою, какою измѣряются и оцѣниваются силы и средства ума индивидуальнаго. Дѣло въ томъ, что, какъ всюду, кооперація увеличиваетъ индивидуальную силу до громадныхъ размѣровъ и создаетъ даже какъ бы новыя силы и

средства Отсюда невозможное для ума человѣческаго. когда мы разсматриваемъ его изолированнымъ, —въ одной мыслящей личности, — становится возможнымъ, когда мы станемъ разсматривать его какъ умъ общечеловѣческій. или какъ индивидуальный умъ, вооруженный и поддерживаемый въ своей дѣятельности совокупностію дѣятельностей безчисленнаго множества умовъ. Тогда самые предѣлы роста и развитія его расширяются до неизбѣжныхъ размѣровъ. Во всѣхъ видахъ дѣятельности человѣческой—сила человѣка, его способность производить. измѣряется по результатамъ кооперацiи, общихъ усилій. Ставится вопросъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ вообще, соединенными усиліями. Только дѣятельность умственная исключалась изъ этого правила измѣренія человѣческой силы.

Возстановленіе философіи, какъ особой области знанія, тѣсно связано съ измѣненіемъ самаго понятія о ней.—съ установленіемъ понятія новаго, болѣе точнаго и опредѣленнаго. Измѣненіе понятія о философіи необходимо влечетъ за собою ея положеніе въ системѣ знаній. ея отношеніе къ другимъ знаніямъ. также измѣненія метода ея построенія и развитія ея содержанія въ цѣломъ и частяхъ. Для древнихъ. какъ намъ извѣстно, философія была совокупностію всѣхъ знаній. насколько они не были простымъ собираніемъ и констатированіемъ фактовъ и описаніемъ явленій міра, а были объясненіемъ ихъ, толкованіемъ, приведеніемъ къ единству. Въ средніе вѣка понятіе это измѣнилось въ томъ смыслѣ, что самое собираніе и изученіе фактовъ и явленій міра было устранено изъ философіи, и все знаніе превращено въ переработку готовыхъ понятій, въ рядъ объясненій всего безъ дѣйствительнаго знанія и изслѣдованія. Философія для схоластиковъ была тоже совокупностію всѣхъ знаній, но понятіе ихъ о самомъ знаніи было другое. чѣмъ у древнихъ въ цвѣтущій періодъ философіи. Знаніе мыслилось и представлялось ими. по аналогіи съ откровеніемъ божественнымъ, сверхъ-естественнымъ, какъ полное, въ предѣлахъ ограниченной природы человѣка, откровеніе въ разумѣ. или разуму, истины. какъ нѣчто, потому, готовое. изначала данное и при-

сущее ему, требующее для своего осуществленія только внутренней работы мысли, размышленія, умозрѣнія Въ этомъ смыслѣ схоластическая философія была умозрѣніемъ и умозрительнымъ знаніемъ, иначе—объясненіемъ всего безъ изслѣдованія, на основаніи какъ бы откровеній разума. Что она главнымъ образомъ занималась вопросами объ основахъ сущаго, — метафизическими,—это черта ея несущественная, случайная и явилась опять въ силу аналогіи знанія съ откровеніемъ сверхъ-естественнымъ. Откровеніе почти исключительно касается вопросовъ о причинѣ міра,—Богѣ, о душѣ, о цѣли жизни человѣка и т п..—и схоластическая философія вращается въ области этихъ вопросовъ преимущественно. Но она смѣло берется за объясненіе и всякаго рода явленій природы и жизни человѣческой и при этомъ нигдѣ не производитъ изслѣдованія и изученія. а прямо объясняетъ, на основаніи откровеній разума, на основаніи субъективныхъ соображеній и вѣроятностей. Новая философія, въ лицѣ Декарта и Бэкона, возстановляетъ классическое понятіе о философіи тѣмъ, что измѣняетъ понятіе о знаніи схоластическое и—въ этомъ, какъ мы старались показать. состоитъ самая сущность реформы, открывающей новую эру въ философіи Философія есть совокупность всѣхъ наукъ. изслѣдующихъ явленія міра и жизни человѣческой. по взгляду Декарта и Бэкона. Во главѣ ихъ стоитъ наука объ общихъ началахъ. законахъ. основахъ міра.— метафизика, дающая всѣмъ имъ единство и связь какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю: словомъ, философія есть система знаній теоретическихъ и практическихъ. съ метафизикою во главѣ и въ основѣ. Разница въ этомъ понятіи философіи отъ понятія классическаго — древнихъ состоитъ въ томъ, что, вмѣсто знанія вообще, поставлены науки, т. е. знаніе расчлененное уже, система наукъ, неизвѣстная еще древнимъ, — даже Аристотелю, который имѣлъ только смутную, общую идею спеціализаціи знанія. Отличіе понятія о философіи Декарта и Бэкона отъ схоластическаго состоитъ въ настоятельномъ требованіи изслѣдованія міра, прежде чѣмъ дѣлать объясненіе его явленій. Во всѣхъ этихъ историческихъ формахъ своихъ понятіе философіи въ томъ или другомъ смы-

слѣ является родовымъ для всѣхъ знаній или наукъ Понятіе наукъ въ силу этого является видовымъ: всякая наука есть часть и видъ философіи. Не трудно видѣть, что теперь это понятіе о философіи совершенно невозможно. Въ новое время, особенно же въ текущемъ столѣтіи, понятіе науки постепенно расширилось и отождествилось со всею совокупностію объяснительнаго знанія о мірѣ, т. е. понятіе это прямо стало на мѣсто понятія философіи въ древности, въ средніе вѣка и у Декарта и Бэкона, отождествилось съ нимъ по своему содержанію и объему и замѣнило его (точно такъ же, какъ въ то-же время понятіе закона природы стало на мѣсто λόγος, concеptum, сущность). Совершилось при этомъ полное превращеніе отношеній: философія, оставаясь объяснительнымъ знаніемъ, должна теперь мыслиться какъ особый видъ науки, или же стать внѣ этого понятія, какъ особый родъ умственной дѣятельности, не обнимаемый понятіемъ науки. Объемъ понятія философіи необходимо съузить и вообще его измѣнить сообразно съ новымъ отношеніемъ къ наукѣ. Необходимость этого, хотя не такъ ясно какъ теперь, сознавалась уже вскорѣ послѣ Бэкона и Декарта, съ тѣмъ вмѣстѣ возникалъ вопросъ, есть ли философія наука отдѣльная и часть науки вообще, или нѣчто отъ нея отличное, особый родъ дѣятельности духа, не входящій вполнѣ въ объемъ науки и стоящій потому внѣ ея. Большинство мыслителей XVIII вѣка, съ Вольфомъ во главѣ, усиливались сохранить особность и самостоятельность философіи по отношенію къ точной наукѣ прямо исключеніемъ ея изъ сферы наукъ и науки, какъ особаго рода познанія міра другимъ путемъ, другимъ способомъ, съ другой, противоположной стороны. При этомъ философія оказывалась обнимающею все-таки весь міръ знанія положительнаго,— всѣ науки, имѣя своимъ предметомъ то же самое, что и они—только съ другой стороны, не данной никакъ въ опытѣ, открытой только уму, съ присущими ему до-опытными, а priori-данными, знаніями. Если всѣ науки положительныя объясняютъ или стремятся объяснить существующее, то философія объясняетъ самыя эти объясненія; если объясненія науки состоятъ въ указаніи и опредѣленіи реальныхъ причинъ яв-

леній міра, ихъ достаточнаго основанія, то философія опредѣляетъ или стремится опредѣлить причины самихъ причинъ. ἄιτιον, ὁτι ἄιτιον, какъ выразился Аристотель. Этимъ путемъ сохранялось прежнее понятіе философіи, какъ совокупности всѣхъ знаній и наукъ, но въ то же время слагалась и ея особность, независимость отъ науки положительной. Въ то время, какъ положительная наука констатируетъ извѣстную форму бытія явленія, указываетъ его составныя части и причины, философія беретъ всевозможныя мыслимыя формы этого явленія и объясняетъ, почему оно существуетъ именно въ этой формѣ, а не въ другой—возможной, почему именно эта форма необходима. Съ этой точки зрѣнія, Вольфъ, рядомъ съ прежнимъ опредѣленіемъ философіи, даетъ другое, въ которомъ объясняется такая спеціальная функція философіи, дѣлающая ее способною, не будучи наукою въ собственномъ смыслѣ или въ смыслѣ другихъ наукъ, — обнимать всѣ науки въ себѣ, именно, опредѣленіе, что philosofia est scientia possibilium, quantum possibilia sunt. Очевидно, здѣсь сохранена самая суть схоластическаго понятія философіи, какъ опирающейся не на фактахъ, а на откровеніяхъ разума, которыя мыслятся теперь въ формѣ прирожденныхъ идей. И здѣсь, какъ въ схоластикѣ, метафизика—ученіе объ основахъ—не составляетъ всего содержанія философіи, а есть только главная, высшая часть ея, совокупность апріорныхъ, основанныхъ на откровеніи разума объясненій всего бытія, бытія какъ такого—ens, quantum ens: она установливаетъ необходимость или разумность даннаго міроваго порядка, разъясняя, что этотъ міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ: утверждаетъ необходимость бытія и дѣятельности разумнаго Творца и Промыслителя, какъ лучшее изъ возможныхъ представленій о происхожденіи міра и сохраненіи въ немъ порядка; необходимость души, опять въ томъ же смыслѣ и т. п. Если Вольфіанская философія, какъ и схоластическая, главнымъ образомъ, сосредоточивается на рѣшеніи метафизическихъ вопросовъ, то опять это зависитъ отъ вліянія теологіи, въ служеніе которой эта философія цѣликомъ поступаетъ. Это ново-схоластическое понятіе о философіи во всей своей широтѣ осуществляется въ системахъ по-

слѣ-кантовскаго нѣмецкаго идеализма. Онъ прямо объявляетъ положительную науку низшимъ родомъ знанія, утверждающаго и разъясняющаго только то, что есть, и дающаго всюду только вѣроятность, и одну только философію признаетъ дѣйствительнымъ знаніемъ. Она одна, на основаніи данныхъ разума, его откровеній, показываетъ необходимость всякихъ формъ бытія, или то, что въ нихъ есть необходимаго, т. е. разумнаго. Она освѣщаетъ, дѣлаетъ какъ-бы прозрачнымъ міровой процессъ и даетъ смыслъ и нѣкоторое значеніе тому, что добывается положительною наукою, поглощая эту науку, слабо освѣщающую отдѣльные уголки вселенной, какъ свѣтъ солнца поглощаетъ всякое искусственное освѣщеніе. Философія, объясняя все и объясняя вполнѣ съ полнымъ сознаніемъ и установленіемъ необходимости, разумности своихъ объясненій, дѣлаетъ положительную науку почти вовсе ненужною и сводитъ ея значеніе до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Въ этомъ смыслѣ понятіе нѣмецкаго идеализма о философіи, представляющее собою полное развитіе неосхоластическаго, Вольфіанскаго, несравненно ближе къ понятію схоластическому, чѣмъ это послѣднее. Это истинный апоѳеозъ схоластической философіи въ самыхъ ея дурныхъ сторонахъ,—схоластическая философія въ самомъ ея существѣ, — въ способахъ объясненія всего и въ ея отношеніи къ положительному, точному знанію. Здѣсь, повидимому, философія отождествляется вполнѣ съ метафизикою, превращается въ нее вполнѣ и безъ остатка, превращая и все знаніе человѣческое въ ученіе объ основахъ и сущности міра, и философія достигаетъ той опредѣленности въ своемъ понятіи, какая дается ей этимъ сліяніемъ, устраняя всѣ недоразумѣнія и различія, возникающія изъ неопредѣленнаго отношенія ея именно къ метафизикѣ. Но это только кажется на поверхностный взглядъ, хотя взглядъ этотъ можно считать господствующимъ. Дѣло въ томъ, что метафизика, при самомъ своемъ явленіи въ формѣ трактата аристотелевскаго — о первой философіи- -и во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ и формахъ, строго различаетъ міръ явленій и міръ основъ и дѣлаетъ этотъ послѣдній прямымъ объектомъ научнаго изслѣдованія, какъ-бы оно ни по-

нималось—все равно Она, прежде всего, ставитъ себѣ задачею—изслѣдовать, опредѣлить, усвоить эти основы и ихъ отношеніе къ явленіямъ Съ устраненіемъ такого изслѣдованія,—она лишается собственно содержанія, какъ наука, и вовсе потому перестаетъ существовать. Въ нѣмецкомъ идеализмѣ понятія основы и явленія спутываются и сливаются въ одно, явленіе становится формою бытія основы самого его Вопросъ объ основахъ становится излишнимъ, а потому строго говоря, для метафизики въ этой философіи нѣтъ мѣста. Идеализмъ въ этомъ случаѣ является законнымъ дѣтищемъ критики Канта: онъ уничтожаетъ объектъ метафизики, т. е. предметъ ея изслѣдованій. И дѣйствительно, во всѣхъ главныхъ формахъ нѣмецкаго идеализма нѣтъ и слѣда даже quasi—научнаго изслѣдованія основъ. Они берутся, какъ прямо данныя, какъ откровенія мыслящаго ума въ немъ самомъ, и прямо затѣмъ, безъ всякихъ разсужденій, изъ нихъ строится вселенная. Какъ ни странно это можетъ показаться,—метафизики, какъ изслѣдованія основъ, здѣсь, очевидно, нѣтъ, или есть она въ той грубой, зародышевой формѣ, въ какой является у первыхъ греческихъ философовъ, начиная съ Ѳалеса и до Сократа, т. е. въ формѣ метафизики фантазій, а не метафизики ума, какъ ее создалъ Аристотель. И дѣйствительно, даже говоря вообще, системы нѣмецкаго идеализма Фихте, Шеллинга, Гегеля, даже Шопенгауера, взятыя въ цѣломъ и существенномъ своего содержанія вовсе не относятся, по своему характеру, къ категоріи научныхъ изслѣдованій, и не суть продукты научнаго творчества. Это поэмы, построенія необузданной и ничѣмъ не стѣсняющейся фантазіи, поэмы, которымъ всего приличнѣе была бы стихотворная форма, въ какую обыкновенно облекались ихъ греческіе прототипы, поэмы, пожалуй, метафизическія, но никакъ не метафизика, если только подъ метафизикою понимать изслѣдованіе основъ сущаго, а не произволъ мысли въ объясненіи вселенной въ цѣломъ и частяхъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятными становятся и ихъ мимолетный блескъ и вліяніе и ихъ паденіе окончательное. Только система Шопенгауера избѣгла этой участи, но это потому, что она составляетъ уже поворотъ въ другую

сторону идеализма и стремится опираться на данныхъ опыта, заключаетъ въ себѣ много дѣйствительнаго изслѣдованія и кое-что прочно обоснованное. Она возстановляетъ до извѣстной степени и метафизику, какъ дѣйствительное изслѣдованіе и опредѣленіе основъ всего сущаго.

Всѣ эти, неудавшіяся вполнѣ, попытки дать философіи самостоятельное положеніе внѣ науки, опирающейся на изслѣдованія явленій и фактовъ бытія,—имѣютъ въ своей основѣ предположеніе, что въ умѣ человѣческомъ есть запасъ истинъ до-опытныхъ. что онъ чреватъ истиною. что, потому, изъ себя самого можетъ добыть и развить знаніе и притомъ знаніе высшаго порядка, болѣе совершенное, что есть другой способъ познанія міра, отличный отъ того, какой употребляется человѣкомъ въ обыденной жизни и прилагается въ наукахъ положительныхъ. въ наукахъ о явленіяхъ. Но всѣ усилія превратить это предположеніе въ дѣйствительный фактъ оказались тщетными. Самыя тщательныя изслѣдованія познавательнаго процесса приводятъ къ тому выводу. что существуетъ одинъ основной способъ, одинаковый во всѣхъ сферахъ познанія въ сущности и измѣняющійся въ подробностяхъ, сообразно съ природою изслѣдуемаго предмета. Это именно опытное изслѣдованіе, направленное не на одинъ внѣшній міръ, но и на внутренній, на самый умъ и мышленіе, въ ихъ составѣ, и переработка данныхъ этого изслѣдованія мыслительною дѣятельностію, по присущимъ ей законамъ. Предположеніе всякаго другаго еще способа, рядомъ съ этимъ, ведетъ къ непосредственному откровенію Божества, къ пророческому вдохновенію свыше, т. е. къ способу знанія чудесному, сверхъ-естественному. Тѣ философы, которые поняли это и объяснили, хотя односторонне (неполно еще). и тоже вскорѣ послѣ Декарта и Бэкона (Локкъ, Юмъ, Кантъ), естественно, усвоили понятіе философіи въ смыслѣ второй половины, поставленной развитіемъ знанія и мысли, альтернативы, т. е. прямо признали философію частью науки, - видомъ научнаго изслѣдованія. Отсюда получило начало понятіе общее научной философіи и противоположеніе ея ненаучной, опирающейся на произвольныхъ умозрѣніяхъ и неточно назы-

ваемой доселѣ метафизическою, при чемъ терминъ «метафизическій» несправедливо и вслѣдствіе недоразумѣнія значитъ именно—ненаучный, основанный на произвольномъ умозрѣніи. Однакоже первая попытка дать опредѣленное понятіе этой научной философіи (философской части общей системы человѣческаго знанія, однородной со всѣми остальными по своему строенію и развитію,) привела, какъ мы видѣли, только къ отрицанію философіи, къ сознанію ея ненужности и отсутствія для нея мѣста въ системѣ наукъ положительныхъ,—вообще въ наукѣ. Самое лучшее, что сдѣлано было при этомъ, для сохраненія самостоятельности и особности философіи,—это то, что для нея нашли нѣкоторое содержаніе научнаго характера, составивъ его изъ заимствованій отъ другихъ наукъ и изъ нѣкоторыхъ общихъ понятій, предполагаемыхъ всѣми науками, но ни въ одной не объясняемыхъ или не объяснявшихся въ то время. Предметомъ философіи оказалось само знаніе, какъ явленіе, сама наука, также общія всѣмъ наукамъ понятія, и философія сохранила до извѣстной степени характеръ знанія общаго, всеобъемлющаго. Но зато она оказалась прямо плагіатомъ, заимствованіемъ,—главнымъ образомъ, изъ психологіи и логики,—повтореніемъ уже объясняемаго и изслѣдуемаго, совершенно искусственнымъ построеніемъ, излишнимъ и въ сущности вовсе ненужнымъ. Ея особность была призрачною и равнялась собственно полному уничтоженію. Причина этого явленія заключается въ томъ, что творцы такого эфемернаго понятія о философіи, отрицая существованіе особаго пріема познанія, апріорнаго, признавая его простымъ произволомъ мысли или скорѣе дѣятельностію фантазіи, приведшею къ созданію фикцій, признанныхъ за реальности,—отрицая силу и значеніе подобнаго пріема, какъ средства познанія,—отвергли возможность и всякаго другого способа познавать тѣ предметы, которые въ древности и средніе вѣка преимущественно изслѣдовались этимъ фиктивнымъ способомъ—именно Бога, душу, цѣль міра. Они сдѣлали здѣсь очевидно неправильное и неимѣющее никакого серьезнаго значенія и силы заключеніе отъ негодности, даже отсутствія предполагавшагося прежде пути, къ несуществованію самой обла-

сти, въ которую люди пытались этимъ путемъ проникнуть, или же къ невозможности вообще проникнуть въ эту область. Ихъ разсужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ большое сходство съ аргументами схоластиковъ—ученыхъ, доказывавшихъ Колумбу невозможность полную проникнуть въ мѣстности, лежащія за Атлантическимъ океаномъ; этимъ они отняли у философіи то. что въ сущности всегда составляло ея принадлежность,—прямой предметъ, обособляло ее въ области знанія, дѣлало и дѣлаетъ ее необходимою.

Философія имѣетъ свой опредѣленный предметъ, свою задачу и свое особое жизненно-практическое значеніе, и есть. потому, особая. спеціальная наука, изслѣдующая нѣчто такое, что не изучается ни одною изъ другихъ существующихъ наукъ, не изслѣдуется и всѣми ими взятыми въ цѣломъ и приведенными въ одну систему. Предметъ этотъ есть все сущее, вселенная, міръ, бытіе вообще, какъ одно живое цѣлое, какъ ~~одинъ~~, необъятный по объему и сложности, но тѣмъ не менѣе вмѣстѣ дѣйствительный фактъ, часть котораго составляетъ и самъ познающій человѣкъ и его знаніе. Предметъ этотъ данъ необходимо въ представленіи каждаго мыслящаго и сознающаго себя, какъ обособленное единое цѣлое человѣка, данъ, слѣдовательно, какъ необходимая составная часть его самосознанія. Представленіе о немъ въ безчисленномъ разнообразіи формъ сопутствуетъ неизмѣнно и постоянно представленію каждаго отдѣльнаго предмета и явленія, какъ и ихъ совокупностей разнаго объема, точно также, какъ представленіе о части вещи, о части предмета или явленія отдѣльнаго сопутствуется неизбѣжно представленіемъ цѣлаго. Воспріятіе каждаго отдѣльнаго факта бытія или явленія міра предполагаетъ, потому, цѣлое, котораго они суть только части. Вотъ почему многіе почитали и доселѣ почитаютъ идею вселенной, космоса. бытія всего, какъ одного цѣлаго,—прирожденною человѣку. Вотъ почему изслѣдованіе цѣлаго, вопросы о природѣ этого цѣлаго, стремленіе понять его, какъ живое единство, явились прежде изученія частей его, отдѣльныхъ явленій и философія—прежде всѣхъ другихъ наукъ. Задача философіи по отношеніи къ этому, прямо данному въ воспріятіи и предста-

вленіи предмету. та же самая, какую имѣетъ каждая изъ наукъ по отношенію къ той группѣ предметовъ или явленій, которыя она изслѣдуетъ. Она прежде всего должна описать этотъ предметъ въ его существенныхъ составныхъ частяхъ, представить, слѣдовательно, картину міра, какъ онъ данъ въ непосредственномъ представленіи и воспріятіи, -вообще—въ опытѣ. Это описаніе, естественно, должно слагаться изъ описаній и объясненій отдѣльныхъ группъ явленій въ томъ видѣ, какъ они даны въ спеціальныхъ наукахъ о нихъ, въ видѣ того, что обыкновенно называется послѣднимъ словомъ этихъ наукъ. Оно должно быть сводомъ въ одно цѣлое всего, что извѣстно о явленіяхъ міра и ихъ отношеніяхъ на основаніи опыта, наблюденія и строго научнаго изслѣдованія, безъ всякой примѣси гаданій и предположеній. или, по крайней мѣрѣ, съ самымъ строгимъ различеніемъ гадательнаго и гипотетическаго отъ того, что несомнѣнно. Эту часть задачи философіи выполняетъ такъ называемая позитивная философія. какъ сводъ положительныхъ данныхъ о всѣхъ явленіяхъ и предметахъ міра, выполняетъ пока весьма неудовлетворительно и односторонне, но во всякомъ случаѣ неизмѣримо лучше, чѣмъ всѣ попытки въ этомъ родѣ древнихъ и новыхъ философовъ, сливавшихъ описаніе частей вселенной съ объясненіемъ ея и довольствовавшихся самымъ поверхностнымъ знаніемъ этихъ частей, самою общею, т. е. смутною картиною цѣлаго, которое они брались и пытались объяснить. Но описавши такимъ образомъ свой предметъ, описавши не на основаніи субъективныхъ воззрѣній и знаній отдѣльной личности, а на основаніи безстрастныхъ объективныхъ данныхъ науки, знаній, созданныхъ умомъ человѣческимъ вообще въ теченіе вѣковыхъ усилій,—философія восполняетъ только часть своей задачи и притомъ часть не главную и существенную, а только подготовительную къ главной. Послѣ описанія, философія необходимо ставитъ вопросъ, изъ какихъ основныхъ факторовъ слагаются явленія міровой жизни, и какъ они производятся въ каждый моментъ своего бытія,—какіе причины и дѣятели лежатъ въ основѣ вселенной, дѣятели далѣе неразложимаго и несводимаго ни къ чему иному Попытка отвѣтить на этотъ вопросъ, попытка открыть основы міра и

изъ нихъ объяснить его, объяснить, конечно, насколько это возможно въ предѣлахъ ума человѣческаго и фактическихъ знаній о явленіяхъ міра въ данный моментъ,—эта попытка составляетъ существенное и главное въ содержаніи философіи, есть философія въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова Такимъ образомъ, задача философіи состоитъ въ открытіи производителей или дѣйствующихъ причинъ всего бытія и объясненіе изъ нихъ и ихъ взаимодѣйствій всего строя и направленія жизни вселенной. На основаніи этого философія можетъ быть прямо опредѣляема, какъ наука объ основныхъ началахъ бытія и прямо отождествляется съ метафизикою. При этомъ положеніе,—что безъ метафизики нѣтъ философіи и что философія и метафизика одно и то же, становится несомнѣннымъ до очевидности.

Правда, опыты объясненія міра изъ его началъ и опыты опредѣленія этихъ началъ доселѣ были почти безуспѣшными. и въ настоящее время они не могутъ привести къ чему-либо неоспоримому и для всѣхъ очевидному и несомнѣнному. Но этого и слѣдуетъ ожидать по самому существу предмета философіи, и было бы въ высшей степени страннымъ и противнымъ общимъ законамъ развитія человѣческаго знанія, если бы дѣло было иначе, если бы философія умѣла ужъ теперь объяснить вселенную, опредѣливъ число основныхъ ея производителей.—теперь, когда едва началось научное объясненіе нѣкоторыхъ только частныхъ явленій, ее составляющихъ, когда еще сумма, дѣйствительно, научныхъ объясненій отдѣльныхъ явленій, можно сказать, ничтожна. И во всякомъ случаѣ, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что нужно отказаться отъ философствованія, отъ философскихъ изслѣдованій, отъ попытокъ разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ и попытокъ научнаго опредѣленія причинъ міровой жизни и объясненія ими вселенной,—признать эту задачу невыполнимою и неосуществимою навсегда, даже отчасти. Напротивъ, изъ этого слѣдуетъ необходимость сосредоточенія усилій въ этомъ, именно, направленіи и накопленія данныхъ научныхъ для рѣшенія вопросовъ, кажущихся теперь неразрѣшимыми. Въ наукахъ спеціальныхъ весьма много такихъ неразрѣшенныхъ и кажущихся

теперь неразрѣшимыми вопросовъ; напр., вопросы: что такое тяготѣніе и тяжесть, притяженіе и т. п., что такое электричество, магнитизмъ, теплота, жизнь и много другихъ въ этомъ родѣ; но отсюда никто не дѣлаетъ вывода, что не слѣдуетъ и пытаться разрѣшить ихъ. Изъ того, напр.. что всѣ объясненія жизни доселѣ были неудачными и что нѣтъ возможности, повидимому, теперь объяснить это явленіе, — вовсе не слѣдуетъ, что лучше оставить біологическія изслѣдованія, — и они не оставляются. а напротивъ привлекаютъ къ себѣ именно своею трудностію лучшіе умы. Изслѣдователи въ области явленій природы знаютъ по опыту, что иногда самая повидимому нелѣпая попытка объясненія заключаетъ въ себѣ истину и что истина нерѣдко открывается какъ бы случайно и неожиданно тамъ и тогда, гдѣ и когда этого менѣе всего ожидаютъ. Потому то вниманіе ихъ постоянно и сосредоточивается на непознанномъ, неразрѣшенномъ и кажущемся неразрѣшимымъ. То же самое, очевидно, должно быть въ области объясненія цѣлаго міра, — въ области философіи-метафизики. И здѣсь обязательно постоянное и неустанное пытаніе разрѣшить неразрѣшимое, постигнуть непостигнутое и кажущееся непостижимымъ. Это, строго говоря. азбучная истина, которую приходится повторять только вслѣдствіе недоразумѣній, накопившихся около самаго понятія философіи и философствованія. Во всякомъ случаѣ, задача философіи какъ вполнѣ аналогичная и даже тождественная съ задачами всѣхъ наукъ спеціальныхъ по отношенію къ ихъ предметамъ, по существу своему, не есть нѣчто недостижимое и неосуществимое. Философъ стремится сдѣлать для всей совокупности явленій міра то же самое, что дѣлаетъ физикъ, напримѣръ, объясняя явленія свѣта и звука. или химикъ явленіе горѣнія. Эти послѣдніе открываютъ въ явленіяхъ, скрытыхъ отъ непосредственнаго воспріятія дѣятелей и недоступныхъ никакому воспріятію, процессы. Философъ дѣлаетъ, или стремится сдѣлать, то же для всѣхъ явленій міра, для ихъ совокупности, т. е. открыть силы, ихъ производящія въ цѣломъ, и тѣ таинственные процессы, которые совершаются при этомъ, обнимая собою все бытіе. Разница только въ большей сложности, трудности изслѣдованія вопроса, а не въ самой сущности, раз-

ница количественная, а не качественная. Также точно было бы въ высшей степени страннымъ, если бы попытка объясненія міра въ цѣломъ не представляла (въ прошломъ) много нелѣпаго, разногласій, противорѣчій между собою, — въ силу того, что исторія объясненія каждаго изъ отдѣльныхъ явленій природы, теперь объясненныхъ, представляетъ большею частію рядъ самыхъ нелѣпыхъ построеній, съ современной точки зрѣнія. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно объясненія въ прошломъ такихъ явленій, которыя не имѣютъ объясненія доселѣ, и знаменитое изреченіе, что нѣтъ той нелѣпости. которую бы не придумали философы объясняя міръ, можетъ быть приложено, mutatis mutandis, къ каждому объясненію любого явленія природы наукою. Существованіе разныхъ противорѣчащихъ другъ другу философскихъ системъ въ настоящее время тоже въ высшей степени естественно и необходимо, и явленіе это вполнѣ аналогично и параллельно съ такимъ же положеніемъ дѣла относительно еще необъясненныхъ отдѣльныхъ явленій природы: здѣсь тоже нерѣдкость существованіе нѣсколькихъ взаимно исключающихъ теорій.

Всѣ эти недостатки рельефно выставляютъ, когда рѣчь идетъ о философіи, потому, что исторія ея, т. е. исторія попытокъ опредѣлить основы міра разработаны хорошо и общеизвѣстны, тогда какъ исторіи объясненія частныхъ явленій природы почти еще нѣтъ; существующія въ философіи разногласія и противорѣчія бросаются въ глаза и выставляются какъ ея особенность и характерный признакъ потому, что философскіе вопросы интересуютъ всѣхъ мыслящихъ людей, и всѣ образованные люди невольно слѣдятъ за ихъ разрѣшеніемъ, тогда какъ теоріи частныхъ явленій интересуютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только спеціалистовъ. И въ этомъ случаѣ философія разнится отъ другихъ наукъ развѣ только тѣмъ, что такое состояніе ея изслѣдованій естественнѣе и понятнѣе, въ виду громадной сложности ея предмета и зависимости ея изслѣдованій отъ состоянія точнаго знанія въ спеціальныхъ его областяхъ. Различныя теоріи относительно необъясненныхъ явленій признаются законными и плодотворными въ будущемъ потому, что всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе прямое фактиче-

ское, научное основаніе, и теоріи произвольныя, фантастическія прямо исключаются изъ сферы науки. Въ этомъ главное и существенное отличіе новѣйшей науки отъ ея прошлыхъ формъ: произволъ въ научномъ творчествѣ исключенъ. Но того же самаго достигла уже и философія: и въ ея области произволъ исключается, и такія построенія, какъ система Шеллинга или Гегеля стали невозможными. И философія придаетъ теперь цѣну только тому, что имѣетъ фактическое и научное вообще основаніе. И въ этомъ, опять, ея существенное отличіе отъ прежнихъ ея формъ, отличіе дающее смыслъ модному нынѣ выраженію «научная философія»... Во всякомъ случаѣ ни прошлое, ни современное состояніе философіи нисколько не доказываетъ невозможности, повторимъ опять, въ извѣстныхъ предѣлахъ, осуществленія задачи философіи-метафизики и не устраняетъ необходимости самыхъ тщательныхъ и усиленныхъ философско-метафизическихъ изслѣдованій. Мнѣніе, что задача философіи не разрѣшима, вслѣдствіе абсолютной непознаваемости производителей, основъ міра, имѣетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое основаніе только при неправильной постановкѣ вопроса о нихъ и ихъ изслѣдованіяхъ, при предположеніи, что эти основы суть вещи въ себѣ и для себя, не связанныя съ явленіями въ самомъ бытіи и что познавать ихъ нужно не такъ, какъ познаются другіе дѣятели, сокрытыя отъ непосредственнаго воспріятія, т. е. съ той стороны, съ которой они доступны изслѣдованію и открываются въ явленіяхъ и черезъ явленія, а съ той, именно, стороны, съ какой они не доступны и не могутъ быть доступны уму. Въ самой постановкѣ вопроса, такимъ образомъ, дана его неразрѣшимость, и онъ оказывается просто нелѣпымъ. Онъ имѣетъ въ сущности такой видъ: возможно ли познать то, чего нельзя знать, что немыслимо? И такъ же нелѣпъ, какъ напримѣръ, вопросъ: возможно ли сдѣлать круглый квадратъ, или квадратный кругъ, или: можетъ ли конечное стать безконечнымъ и т. п. По своему существу, вообще, разсматриваемое мнѣніе нисколько не лучше положенія Сократа, что никогда нельзя узнать причины движенія тѣлъ небесныхъ или вѣтровъ. Конечная цѣль философіи и ея отношеніе къ жизни практической тоже анало-

гична съ цѣлію другихъ всѣхъ знаній и наукъ. Цѣль эта есть тоже господство, власть человѣка, regnum (imperium), hominis, только власть не надъ внѣшними силами природы, а власть человѣка надъ собою, власть высшаго порядка, по старинному изреченію, sibi imperare—imperium maximum. Философія достигаетъ этой цѣли, точнѣе, имѣетъ своимъ идеаломъ достиженіе ея тѣмъ, что даетъ или стремится, во всякомъ случаѣ, дать человѣку міросозерцаніе, выяснить для него его собственное положеніе среди міра, смыслъ и цѣль его жизни и дѣятельности. Едва ли нужно объяснять, какъ важно все это для человѣка, и какую могучую силу въ жизни даетъ человѣку опредѣленное міросозерцаніе. Извѣстно, что лучше имѣть какое-нибудь, самое плохое, ложное міросозерцаніе, чѣмъ вовсе не имѣть его. Въ первомъ случаѣ человѣкъ знаетъ, что ему дѣлать и чего искать въ жизни, и можетъ управлять своими дѣйствіями; но въ послѣднемъ онъ самое жалкое и безпомощное существо.

Философія-метафизика имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое, все сущее, бытіе. Описаніе, представленіе, изображеніе этого цѣлаго, обнимающаго всѣ существа и всѣ явленія,—она заимствуетъ или должна, въ настоящее время, заимствовать изъ спеціальныхъ наукъ о разныхъ предметахъ и явленіяхъ міра, о разныхъ его отдѣлахъ и сторонахъ, сводя всѣ ихъ несомнѣнные результаты въ одно цѣлое, въ одну, по возможности, стройную и всеобъемлющую систему. Задача ея—объяснить это цѣлое такъ же, какъ объясняютъ спеціальныя науки его разныя части, т. е. открыть причины и производителей цѣлаго и единства вселенной. Цѣль ея—дать человѣку научное міросозерцаніе, открывъ, на сколько возможно, внутренній смыслъ всего бытія и собственной жизни человѣка. На основаніи только своего состава, вполнѣ аналогичнаго съ составомъ и устройствомъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ, философія-метафизика должна быть признана наукою особенною, самостоятельною, не могущею замѣниться ничѣмъ инымъ и въ этомъ смыслѣ спеціальною областію человѣческаго знанія. Но, по самому существу дѣла, она при этомъ является наукою единственною въ своемъ родѣ, наукою въ собственномъ смы-

слѣ, всеобщею наукою наукъ, для которой всѣ другія служатъ какъ бы собраніемъ еще сырого матеріала, подлежащаго новой переработкѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и опираясь, такимъ образомъ, на добытое уже, готовое знаніе, эта наука идетъ дальше всѣхъ ихъ, такъ сказать, въ глубь познаваемаго бытія, потому, продолжаетъ и доканчиваетъ ихъ до предѣловъ возможности Въ то же время, открывая неизмѣнное и основное, она, въ свою очередь, освѣщаетъ все знаніе новымъ свѣтомъ и даетъ сама основу послѣднему и прочный фундаментъ всѣмъ наукамъ, являясь сама, съ этой точки зрѣнія, ихъ корнемъ и ихъ основой.

Въ виду полнаго сходства по своему составу и строенію съ другими науками, философія-метафизика должна имѣть сходство въ общемъ и по способамъ своего развитія и построенія, т. е. она должна строиться на тѣхъ же началахъ, на какихъ строятся другія науки, способами, какими они въ своей сферѣ достигаютъ точности и несомнѣнности. Другими словами, она не должна претендовать, какъ это часто было доселѣ, на обладаніе своими особыми источниками знанія, въ родѣ непосредственнаго созерцанія, готовыхъ прирожденныхъ идей, чистаго мышленія и т. п. Она, какъ все остальное знаніе, должна всецѣло опираться на факты опыта и на умозрѣніе, развивающееся изъ этихъ фактовъ, исключающее всякій произволъ въ умозрительномъ творчествѣ; погружаться въ открывающіяся ей высоты и глубины, не однимъ порывомъ мысли и фантазіи, а медленно двигаться въ этомъ направленіи, провѣряя тщательно каждый свой шагъ, ощупывая постоянно прочную реально-фактическую почву подъ ногами, сводя всѣ свои обобщенія и построенія къ единственно надежному ручательству истины—факту, понимаемому въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина, которымъ обнимаются не одни чувственныя воспріятія, но и акты мысли, чувства, желанія. Такъ какъ исходнымъ пунктомъ ея служатъ не чистые факты, а уже добытыя, путемъ изслѣдованія этихъ фактовъ во всѣхъ сферахъ бытія, обобщенія, положенія и истины, то по способу развитія своего содержанія она является наукою дедуктивною и синтетическою, или построительною Потому въ общемъ смыс-

лѣ ея методъ есть дедукція и синтезъ. а не индукція и анализъ, дедукція въ томъ смыслѣ, какъ описалъ ее Милль подъ именемъ косвеннаго наведенія. въ томъ смыслѣ, говоря конкретно, въ какомъ есть дедукція-теорія свѣта или голубого цвѣта неба. Въ силу того, что философія-метафизика доселѣ не имѣетъ еще достаточно средствъ достигнуть несомнѣннаго и неоспоримаго, очевиднаго по отношенію къ главнымъ своимъ вопросамъ о міровыхъ дѣятеляхъ—первыхъ причинахъ и должна довольствоваться вѣроятностію,—ея методъ можно назвать гипотетически-построительнымъ, просто гипотетическимъ. Что этотъ методъ обладаетъ громадною силою и значеніемъ при открытіи истины,—этого не нужно доказывать. Общеизвѣстно. что имъ добыты всѣ важнѣйшія и величайшія истины въ области естествознанія. сдѣланы всѣ такъ называемыя здѣсь открытія.

Но развиваясь, въ общемъ, научнымъ методомъ дедукціи, который употребляется въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ всѣми объяснительными науками, философія имѣетъ еще и свой спеціальный методъ, свой особый пріемъ, ей одной свойственный, методъ философскій въ собственномъ смыслѣ. Такимъ спеціальнымъ методомъ обладаютъ всѣ науки самостоятельныя. Онъ состоитъ въ каждой наукѣ изъ совокупности спеціальныхъ, особыхъ средствъ, пріемовъ анализа предметовъ изслѣдованія и открытія, выдѣленія факторовъ и причинъ производителей предметовъ и явленій изслѣдуемыхъ. Его особенностями въ каждой наукѣ обусловливается особенность терминологіи каждой изъ нихъ. Все это есть у философіи-метафизики, и этотъ фактъ окончательно утверждаетъ и дѣлаетъ несомнѣннымъ научный характеръ и самостоятельность философіи,—она анализируетъ свой предметъ методомъ ей одной свойственнымъ и имѣетъ свою особую терминологію.

Дѣйствительно, развиваясь и построяясь синтетически-дедуктивно, пользуясь для этого готовыми данными всѣхъ другихъ наукъ, философія - метафизика необходимо должна опредѣлить сначала общее направленіе своихъ дедукцій, а для этого предварительно разложить, всю совокупность бытія съ своей особенной точки зрѣнія, подобно тому, какъ, напримѣръ, ма-

тематика разлагаетъ свой предметъ—количество на величину пространственную и число, физика разлагаетъ движеніе на механическое движеніе, свѣтъ, теплоту, звукъ, электричество и магнитизмъ. химія—всѣ тѣла на кислоты и основанія, психологія—явленія сознанія—на явленія ощущенія, представленія, желанія и стремленія и т. д. Философія-метафизика, имѣя своимъ предметомъ все сущее и познаваемое какъ единое цѣлое въ его основахъ и общихъ причинахъ. не можетъ ограничиться простымъ воспроизведеніемъ, въ одной системѣ, разложенія міра, произведеннымъ спеціальными науками, сказавши, напримѣръ, что міръ—весь слагается изъ явленій и отношеній математическихъ, физическихъ, химическихъ, психическихъ и т. д., потому что ея задача идетъ далѣе. Философія-метафизика ставитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ всѣ эти разнородныя явленія образуютъ одно живое цѣлое, и чѣмъ, какою силою они производятся въ цѣломъ, имѣя каждое свой смыслъ, значеніе и функцію въ этомъ цѣломъ, что такое всѣ эти явленія въ ихъ основѣ послѣдней, и что такое, вообще, явленіе, вообще, бытіе, существованіе? Можно, конечно, прямо отвѣтить на этотъ вопросъ какимъ-нибудь предположеніемъ или гипотезою, какъ это дѣлали въ самомъ началѣ философіи и въ нѣкоторыхъ ея формахъ впослѣдствіи въ очень даже недавнее время. Этимъ путемъ въ теченіе вѣковыхъ усилій построены, можно сказать, всевозможныя здѣсь предположенія. При этомъ указаны прямо дѣятели, которые могутъ быть разсматриваемы, какъ производители всего, какъ послѣдніе причины или основы, и выяснилась сама собою сфера, въ которой могутъ вращаться всѣ философскія построенія, тѣ элементы, изъ которыхъ можно формировать эти построенія. Дѣятелей этихъ два: мысль и вещество. Полагая ихъ въ основу всего, можно получить только нѣсколько радикально-различныхъ предположеній о міровой жизни. Именно. a) все есть вещество, b) все есть мысль, c) все есть вещество и мысль въ нераздѣльномъ единствѣ; d) все есть вещество и мысль, имѣющія самостоятельное бытіе, отдѣленныя другъ отъ друга и соединенныя внѣшнимъ образомъ; e) все—абсолютная мысль или разумъ, производящій вещество и мысль конечную. Изъ

предѣловъ этихъ комбинацій философскія построенія - гипотезы выйти не могутъ. Потому всякое философское построеніе въ томъ или другомъ смыслѣ будетъ: или монизмомъ идеалистическимъ—спиритуалистическимъ, или монизмомъ матеріалистическимъ. или дуализмомъ въ разныхъ его формахъ, или объединеніемъ и примиреніемъ монизма и дуализма. При всемъ разнообразіи системъ философскихъ всякая изъ нихъ необходимо относится къ тому или другому изъ этихъ типовъ и схемъ построенія, — есть монизмъ, дуализмъ, или ихъ примиреніе. Пока эти типы берутся какъ чистое предположеніе, какъ возможности, и развиваются въ подробностяхъ въ той или другой формѣ, — они всѣ имѣютъ одинаковую цѣнность, могутъ казаться одинаково основательными или неосновательными. Усвоеніе одного изъ нихъ будетъ дѣломъ случая, обстоятельствъ, попытокъ мысли и т. п. Научная философія-метафизика, прежде всего, должна устранить эту случайность. Правда, въ концѣ концовъ, ей предстоитъ все-таки выборъ одной изъ этихъ гипотезъ; но она должна сдѣлать выборъ той или другой необходимо — и шагъ за шагомъ — методически—привести мысль къ невозможности всѣхъ остальныхъ. Для того. чтобы сдѣлать это, она должна положить въ основу нѣчто несомнѣнное и очевидное, дать на поставленный вопросъ въ самомъ началѣ такой отвѣтъ, который былъ бы несомнѣннымъ при всякихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ, и отсюда начать опредѣленіе предположенныхъ основъ.

БИБЛІОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМІИ.